

К-51
9/6/1
УДК
ПРОФ. В. КЛЮЧЕВСКИЙ

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ

21875

ЧАСТЬ V

№. 752

ПЕРЕМЫЛОНИЕ

БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. С. ГОРЬКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА
1937

V том курса русской истории В. О. Ключевского охватывает период 1762—1855 гг. (от восцарения Екатерины II до смерти Николая I). Текст дан на основе монографированных изданий и не соединяет с текстом, изданным в 1722 г. В приложении даны статьи В. О. Ключевского по этому периоду, служащие дополнением к курсу. Том подготовлен к печати С. К. Богоявленским.

ОТ РЕДАКЦИИ

V часть «Курса русской истории» В. О. Ключевского была издана лишь в 1922 г., через много лет после смерти автора его учеником Я. Л. Барковым. Она не получила поэтому авторской обработки подобно первым четырем томам и воспроизводила (по литографированному изданию) студенческую запись лекций 1883—1884 г., составленную самим издателем курса Я. Л. Барковым и тогда же прописанную и исправленную автором. Однако курс 1883—1884 г. отличается значительной краткостью. В последующие годы он подвергся доработке и был расширен, особенно в части, относившейся ко второй половине XVIII в. Одно из основных отличий последнего текста — ряд исторических экскурсов, дающих историю этого периода в перспективе развития русской истории от XVII в.

Новая редакция в основном оформилась в 1887—1888 г., и

последующими гистограммами изданиями. Этот же текст положен в основу настоящего издания с небольшими дополнениями из двух других записей, более ранних, но ив-

Редактор Н. Л. Рубинштейн.
Техрд О. Прокопова.
Корректоры М. Годзубурт и Ф. Черноморов.

Сдано в набор 25/V 1937 г. Полиграфовано в печать 9/X 1937 г.
Формат бумаги 60 × 921 $\frac{1}{4}$ п. л. Уч. авт. объем 32,337 л.
Серия классиков. Тираж 55 000 экз.
Огиз № 1940. Заказ № 2315. Уполн. Главлит № В-13724.

Цена книги 8 р. Переплет коженкор. 1 р. 25 к., ледерит. 1 р. 75 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфиздат». Москва, Валовая, 28.

Редакция считала возможным не выделять специальными отдельно вставки, поскольку в конечном счете все использованые тексты являются с точки зрения подлинности и авторитета равноправными.

В Приложениях к V тому даны статьи В. О. Ключевского по XVIII в. (из сборника «Очерки и реции»); они писались позже — в 90-е и 900-е годы — и не могли быть введены самим автором в текст лекционного курса, оформленного, как указано, уже в 80-е годы.

С другой стороны, в новом издании не воспроизведен приложенный в издании 1922 г. Обзор, принадлежавший учебнику, так называемому Консисту, а не Курсу.

Текст V тома подготовлен к печати и комментирован С. К. Богомоловским.

ЛЕКЦИИ LXXV

Жизнь Екатерины II до 1762 г. — Ее происхождение и воспитание. — Замужество ее и положение при дворе. — Образ ее действий. — Мысль о русском престоле. — Положение Екатерины II в царствование Петра III.

Проект
издания
воспит
нице Екатерины

Императрица Екатерина была такой же политической случайностью, каких много бывало на русском престоле в XVIII в. По происхождению своему она соединяла в себе два мелких княжества северной Германии: по матери она была связана с домом голштинским, а отец ее был мелкий принц, владевший княжеством Ангальт-Цербстским. Этот отец, владетельный принц, состоял на прусской службе: сначала был комендантом, а потом губернатором Штеттина, неудачно баллотировался в герцоги курляндские и кончил жизнь прусским фельдмаршалом. В Штеттине и родилась его дочь София-Августа — наследница Екатерины II — 21 апреля (2 мая) 1729 г. Таким образом, Екатерина вышла из мира мелких князей северной Германии. Это был любопытный уголок Европы, имевший некоторое значение в ее политической истории. Эти мелкие князья играли, однако, видную роль в истории крупных держав благодаря своим широким родственным связям; здесь все были наследники и наследницы, жившие чужого престола; здесь был всегда неистощимый запас мелких пажов, которые выматривали крупных невест, и мелких пажес, которые могли за крупных женихов.

Этот мир воспитывал политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере, для которых родина была везде, где удавались карьеры. Голштинский дом делал впереди своих соседей в этом искации чужих корон и престолов или, по крайней мере, выгодных должностей на чужой службе. Благодаря тому, что одна из дочерей Петра вышла за герцога голштинского, дом этот получил некоторое значение в начале истории XVIII столетия. Екатерина была тесно связана с этим домом по родству со стороны матери. Все предметы Екатерины по матери с самого начала века либо служили на чужбине и там складывали головы, либо искали и иногда добивались чужих престолов. Недаром еще в детстве один каноник в Браппенвейде предсказал ей блестящую будущность. «На лбу вашей дочери, — сказал он ее матери, — я вижу три короны». Европейский мир привык видеть в этом уделу Европы коллекцию парственных голов, не имеющих своей короны, но дожидавшихся корон, которые оставались без голов.

Екатерина воспитывалась в суровой обстановке; отец ее был усердный служак Фридриха II и в делах дома подчинялся команде своей жены, а эта жена была удивительная лада: непоседливая и неуживчивая, вечно со всеми ссорившаяся — живая интрига, воплощенное приключение. В жизни своей она искалечила всю Европу, участвовала во всяких закулисных дипломатических интригах, служила Фридриху II по таким дипломатическим делам, за которые стыдились взяться настоящие дипломаты, и этим заслужила его расположение. Она кончила жизнь недолго до вступления на престол дочери в Париже в самом Жалком положении. В воспитании детей она держалась самых строгих правил: Екатерина сама после признавалась, что каждую неловкость ждала себе от матери попечими.

Разные случайные обстоятельства поставили Екатерину близко к русскому двору: прежде всего, один из ее многочисленных дядей герцог голштинский, которое время считался женихом нашей Елизаветы, когда она была еще великой княжной; несмотря на преждевременную смерть принца, Елизавета сохранила

да всегда самое нежное о нем воспоминание и потому жаловалась его племяннику с матерью. Раз даже подарила им портрет своего бывшего жениха, украденного бриллиантами. Портрет мог остаться фамильным утешением, а бриллианты были очень нужны белой семье штетинского коменданта. В то время Елизавета обавочена была отыскиванием удобной невесты для своего племянника, наследника престола. Близкие люди уговаривали взять невесту поскромнее, без влиятельного родства, потому что такая невеста будет особенно почитательна к императрице и к наследнику. В пользу Екатерины хлопотал тесный кружок, тогда воюющий всеми делами при русском дворе. Этот кругожок состоял из воспитателя наследника голштинского агента Брюммера; из дипломатического французского агента маркиза де ла Шетарди, приехавшего хлопотать о союзе России с Францией напрекор Бестужеву-Рюмину, который держался австрийского сората из Лестока — одного из деятелей переворота 1741 г., получавшего пенсии от Франции за свои французские услуги при русском дворе, и, наконец, из нескольких приверженцев русских, близких к Елизавете, большей частью личных врагов капитана Бестужева-Рюмина. Эти люди и уговорили Елизавету отдать предпочтение перед всеми невестами Екатерине, тем более что последняя доводилась троюродной сестрой своему будущему мужу. В 1744 г. в глубокой тайне мать с дочерью отправились в Петербург и жвились неожиданно для этого дипломатического мира, который не ожидал такого странного выбора. Таинская рука, устроившая это дело, принадлежала прусскому королю Фридриху II. Он сам впоследствии признался, что брак дочери его штетинского коменданта с наследником русского престола необходим был для обеспечения прусских интересов и что Екатерина была для него самим удобным орудием для обеспечения этих интересов.

Екатерина являлась в Петербург очень бедной невестой: она привезла туда, по ее словам, всего дюжины сорочек и три-четыре платья, да и те спилены на вексель, приставанный из Петербурга на путевые расходы. Такого гардероба было мало для русского двора,

Замужество ее и положение при дворе

се в спальне перед иконами с молитвениником в руках. Раз Елизавета предложила ей говеть вторую неделю великого поста, Екатерина попросила у нее позволения поститься весь пост. Второй ее заботой было изучение русского языка. Часто по ночам она вставала, чтобы заучить мудреные русские слова; эти безвременные занятия даже причинили ей опасную болезнь. Оба эти занятия служили средством для изучения среды, в которую она попала. Среда эта была мудреная, не совсем привычная для Екатерины, она и пользовалась различными средствами для ее изучения. Она расспрашивала прислугу, даже не чуждаясь и подслушивая: раз во время болезни она притворилась спящей, между тем как присутствовавшие дамы говорили о таких вещах, о которых они без этой хитрости не сказали бы ей. Таким образом, Екатерина довольно близко попала в жизнь и отношения общества, среди которого ей приходилось вращаться. Она сама описывает тактику, какой она держалась; она говорит, что старалась привести любовь всех, больших и малых, поставив себе за правило думать, что нуждается во всех, не дерзкаясь никаких партий, ни во что не вмешивалась, боялась всеми лисков, никому не отдавала предпочтения, старалась казаться веселой, оказывала беспрекословное поклонение матери, которой не терпела, глубокое уважение к императрице, над которой смеялась, и глубокое почтение к мужу, которого презирала; одним словом, всеми средствами старалась заслужить любовь публики.

У нее была определенная цель, к которой она направляла эту хорошо расчитанную тактику; целью этой был русский престол. По ее признанию, она охотно рассталась бы с мужем, но к русской королю она была не так равнодушна. В записках своих она передает свое раздумье накануне свадьбы. Будущее не обещало ей ничего прочного: «Одно честолюбие, — говорит она, — меня поддерживает; во мне есть я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляет во мне сомнений, что рано или поздно я добьюсь своей цели, сделавсь самодержавной императрицей». Этой цели присвоены были те нравственные жертвы, о которых она рассказывала

зывает. Ей пришлоось пережить много огорчений, особенно выходивших из ее отношений к мужу: муж обрадовался с ней при ложах презрительно, она должна была скрывать страдания, которые испытывала, чтобы воить жертвой сострадания других. Наплакавшись наедине, она быстро утирала слезы и выходила к фрейлинам всегда смеющаяся и спокойная. Это уменье успеть обстоятельствам, примиряясь с ролью брошенной жены было вознаграждено ее успехом при дворе. Она взяла свое положение с боя и уже при Елизавете успела упрочить его, хотя этому много помог и ее муж, Елизавета, ближе узная племянника, выходила из себя при одной мысли о нем. Екатерина передает в своих записках те ужасные анекдоты, которыми тетка честила своего племянника. Чем больше охладевала императрица Петру, тем больше научалась она денить его жену. Уже лет за пять до смерти Елизаветы наблюдала ей действующий о том язиши. Какое она получила при английский посланик Вильямс пишет о великой княгине в своем донесении правительству: «С самого прибытия своего в Петербург великая княгиня всеми средствами старалась приобрести всеобщую любовь, и теперь ее не только любят, но и боятся. Многие, которые стоят в лучших отношениях к императрице, не пропускают случая угодить под руку великой княгине. Все это переменилось со смертью Елизаветы. Разрыв между мужем и женой стал теперь открытым. Екатерина должна была испытать препобуждительное отчопление еще в большой степени. Сторонний наблюдатель французский посол Бретегель в своих донесениях изображает нам как бы летопись невзгод, какие постигают брошенную императрицу. В начале парестовании Петра Брегель пишет, что императрица старается вооружиться философией, что, впрочем, противоречит ее характеру; философия бьет необходимым оружием при том положении, в какое стала императрица. В другой депеше посол пишет: «Говорят, императрицу узнать нельзя: она чахнет и скоро сойдет в могилу». Но императрица не сопла в могилу, а твердой столой пла

Положение Екатерины в парестовании Петра III

встречали людей, которые всем рисковали для приобретения этих благ, подобно прусскому Фридриху II. Историда и таких людей, которые успешно приобретали все эти блага помолью риска, подобно нашей императрице Елизавете. Все эти виденные Екатериной примеры облазили ее, возбудили и раздражили аппетит честолюбия, а Екатерина от природы не была липена тех качеств, которые необходимы для успеха на таком рискованном пути. Так, Екатерина росла с мыслью, что ей самой надоено прокладывать себе дорогу, делать карьеру, т. е. надо выработать те качества, которые необходимы для этого; а судьба пришла ей на помощь: неудачное замужество доставило ей обширную и благодарную практику для развития этих качеств, не только указала Цели, ее честолюбию, но и сделала достижение этой цели вопросом личной безопасности. Неутомимое преследование намеченной цели, тяжелые испытания, ее пройденные при этом, сообщили ей удивительную исправку, тот «закал души», говорят ее слогами, которым она всегда так гордилась, и помогли ей выработать основное жизненное правило, которым она всегда руководилась и которому была столько обязана. Это правило она сама выразила в одном любопытном документе: когда приехала в Россию герцогиня голштинская, известна великого князя-наследника Павла, у нас известной под именем Наталии Алексеевны, Екатерина сама составила для нее инструкцию, которой та должна была руководиться в отношениях своих к окружющим. В инструкции этой мы читаем следующие замечательные слова: «Я всегда была убеждена, что лучше обладать сердцами всех, чем многих; и этому обдуманному образу действия я обязана достижением той ступени, на которой вся Европа стала меня видеть». Для Екатерины «жить» рано стало значить «работать». А так как вся работа ее состояла в том, чтобы в незнакомой стране, среди чужих людей уговорить встречных извести ее на дорогу к намеченной цели, то главной ее задачей стало искусство обрабатывать людей. Но по самому свойству этих занятий Екатерина в других нуждалась больше, чем другие нуждались в ней; при том она долго вралась среди людей менее ее сильных,

но более дальновидных, которые вспоминали о петли тогда, когда она им на что-нибудь надобилась. Поэтому вторым ее житейским правилом стала мысль пользоваться обстоятельствами и людьми так, чтобы до времени плать по течению первых и служить видимым, носущим, но не скрытым оружием в руках других. Она часто и отданаилась в руки других, но только для того, чтобы эти другие ее, как игрушку, могли донести до места, до которого она не могла дойти своими ногами. В этих основных правилах ее деятельности заключались и слабые и сильные стороны ее характера. Екатерина получила от природы и судьбы обильные средства для действий, внешние и внутренние, и внешне их больше, чем внутренних. Она была способна к напряженному, к усиленному и часто непосильному труду; поэтому она себе и другим казалась выше себя самой. Она очень много работала над собой, по она больше работала над своими манерами, чем над своими чувствами и мыслями, а отсюда происходило изящество первых и часто прорывавшаяся грубость вторых. В уме ее было больше гибкости и восприимчивости, чем глубины, вдумчивости, больше исправки, сноровки, чем силы творчества, как и вообще во всей ее наатуре было больше живости, блеска, чем чувства.

В этом отношении представляют некоторый исторический интерес ее литературные произведения. Она писала много и в очень разнообразных отраслях: автобиография, записки, комедии и особенно письма. Проза, проплыла уже через руки туземного корректора. Екатерина никак не могла стадить с русским языком и писала на нем невероятным образом, точно так же не могла победить и русской орфографии; в записках и указах, выпедших прямо из-под ее пера, мы встречаем большие погрешности в этом отношении; она умела в русском слове, состоящем из трех букв, сделать четыре ошибки: вместо «ящец» писала «ящоч». Но этих неудобств для изучавших не представляют ее творения на любимом ею французском языке. Екатерина, как мы видели, очень много читала; читала и старорусские легенды и молные книжки новейших французских

философов. Припомнай, как она много училась и размышляла, мы удивимся сухости и беспечности ее изложения. Бедности ее воображения, склонности, даже скучности ее мыслей и чувств. В ее сочинениях не найдете ничего, что поражало бы, что врезывалось бы в память. Здесь нет ни смелых оборотов мысли, ни даже удачных фраз; всего меньше найдете вы у нее простоты, непринужденности чувства. Даже в самых дружеских письмах, например, в переписке ее с ее загородным агентом и приятелем бароном Гриффом, она напрасно старается изысканнейшей шутливостью, деланным остроумием прикрыть пустоту содержания, скучность мысли и чувства. Но это дружеская переписка. Екатерина говорит там о всевозможных предметах, начиная от несчастной порчи желудка у ее корреспондента и кончая таинством евхаристии, и над всем она смеется одинаково сухо, так что, читая эту переписку, бросишь книгу и скажешь: «что за неопрятная голова, что за невыработанные чувства». Где бы она ни появлялась, за что бы она ни принималась, она как будто чувствовала себя на сцене, как будто играла для кого-то. Обстановка и впечатление дела были для нее всегда важнее самого дела и его последствий; оттого ее образ действий выше тех побуждений, которыми этот образ действий взыгрался. Действуя, она больше заботилась о том, что скажут современники, чем о том, что подумает потомство, поэтому первые ценили ее выше, чем ценит и будет ценить последнее. Она больше думала о популярности, чем о пользе; ее энергия поддерживалась не интересом дела, а вниманием других, и падала, как скоро это внимание ослабевало. Вообще в ее деятельности было больше блеска, эффекта, чем силы творчества; она лучше умела разыграть дело, чем создать его и провести. Самое ее будут больше помнить, чем ее дела.

Сходство Екатерины II с Петром III

Повидимому, что общего могло быть между нею и ее мужем императором Петром III? Но у них больше сходства друг с другом, чем можно подумать при первом взгляде на их физиономии. Оба они были политическими случайностями в нашей истории и, что еще неожиданнее, оба они пришли, чтобы послужить сле-

пами орудиями фактов, начавшихся до них и развившихся против их воли и при их содействии. Зачем, в самом деле, появился на нашем горизонте такой миниатюрный метеор, такая блуждающая комета, какой был Петр III? Повидимому, он — совершенная случайность в нашей истории; но он пришел, чтобы завершить один крупный факт последней: он всегда боялся русского дворянства, ждал от него самой большой опасности, не видел его, а между тем завершил процесс освобождения дворян от обязательной службы, — процесс, который поставил дворянство во главе нашего общества; этому императору принадлежит закон о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. Этот ненавистник русского дворянства призван был на Русь судьбой, чтобы подписать свое имя под этим законом и исчезнуть, погрузиться в ту тьму, из которой он вышел. Совершенно такое же значение в нашей истории имеет и парестование Екатерины, более важное только потому, что оно было более продолжительное. Екатерина была тростью книжника-сторонца и признана была судьбой в наше подобными указу 18 февраля.

Теперь мы обратимся к изучению ее деятельности и прежде всего разберем те влияния, в среду которых она стала тогчас по вступлении на престол путем революции, захват власти не по закону. По установленному обычью и согласно с народными понятиями власть присладежала ее сыну; влиятельные лица петербургского руководящего общества были того же мнения, что Екатерина имела право только на регентство до совершеннолетия сына. Революционный путь, каким Екатерина достигла престола, определил характер ее правления, указал ей даже программу, которой она должна была следовать. Екатерина вступила на престол, извергнув правительство своего мужа; это правительство глубоко оскорбило национальное русское чувство своим пренебрежением к русским людям, интересам, русским обычаям и даже верованиям. Екатерина вступила на престол потому, что предшествующее царствование было слишком недопустимо, следовательно, обстоятельства заставили ее действовать популярно. Да-

Влияние первоначально на политику Екатерины

лее, она вступила на престол, чтобы поправить ошибки предшествовавшего царствования в политике внешней и политике внутренней. Эта политика уронила внешнее значение России, подвергла риску некоторые существенные ее интересы, следовательно, Екатерина обязана была восстановить прежний кредит России за границей, освободить от опасности, угрожавшей ее интересам. Беспеченный произвол предшествовавшего правительства, распространения, которых смысл никто не мог понять в обществе, губилась политическое возбуждение как наверху, так и наизу общесть, вызванное предшествовавшими событиями, т. е. дворцовыми переворотами. Мы знаем, что еще в 1730 г. резко высказались некоторые политические тенденции русского дворянства, направленные к ограничению произвола верховной власти. В миране царствование императрицы Елизаветы эти политические помыслы людей 1730 года затихли по ненадобности, но произвол Петра III опять вызвал наружу то, что затайлось было при Елизавете.

Воспитатель великого князя Павла Панин, повидимому, укрепился в своем образе мыслей, унаследованном от верховников 30-го года, безграничным и беспечальным произволом последнего царствования. По крайней мере, его племянница княгиня Дашкова уверяет нас, что ее дядя в беседах о возможных последствиях революции 62-го года любил останавливаться на последствиях политических; охотно беседовал о формах правления; его любимой мечтой будто бы было возвести на престол своего питомца и установить образ правления на основаниях шведской монархии. Так как сам Панин, повидимому, не проговаривался об этом перед посторонними, то в рассказах немца (Ассебурга), описывающего переворот с его слов, нет о том даже намека, но это только следствие его осторожности; Панин заявил только, что за четыре недели до ионских событий он озабочился доставлением престола другому лицу. Но так как великий князь был еще ребенок, то предполагалось поставить регентство матери, пока он не достигнет совершеннолетия. Таковы были планы Панина, и Дашкова должна была согласиться с ними.

То же политическое возбуждение благодаря деятель-

ности Петра распространилось и в массе общества.

Образ действия правительства и здесь заставил людей сделаться политиканами. До нас дошли с разных сторон свидетельства об этом возбуждении умов в массе. Прежде всего, современник и очевидец изучаемых нами событий Болотов в записках своих говорит, что при Петре III на улице все открыто говорили, ради и судили о всех проступках государя. Екатерина в маинище 6 июля, издававшем русское общество о ее вступлении на престол, признается, что никого не оставалось в народе кто бы «в голос без трепета не засловил государя». В одной своей записке о первых пяти годах царствования она также признается, что заметны были признаки великого ропота в народе, вылиберальный образ действия Екатерины должен был изгладить впечатления испытанного самовластия и распространить в обществе убеждение, что пережитый произвол не повторится более. Далее, Екатерина была избрана на престол гвардией; гвардия в то время еще представляла собой интересы русского дворянства, а русское дворянство, как мы знаем, в тому времени сделало уже значительные успехи в своих стремлениях получить влияние на управление страной. Итак, Екатерина должна была действовать также в составных интересах дворянства. Такова была сложная программа, которую продиктовали ей обстоятельства ее вступления на престол. Она должна была в первое время действовать и популяризировать в интересах или, по крайней мере, с теми политическими идеями, которые тогда со стороны проникли в русское общество, и, наконец, она должна была действовать также в интересах сословия, цвету которого обязана была своим вступлением на престол. Памятники, в которых можно видеть точное отражение ее положения и мыслей в первые дни царствования, указывают на эту самую программу, столь сложную и трудную. Мы сейчас увидим, как эта программа развернулась в первых актах ее царствования.

Вскоре по вступлении на престол, 6 июля, Екатерина обнародовала манифест, в котором подробно изложила обстоятельства совершившегося переворота и обозначила главные черты программы, которой новое правительство хотело руководствоваться в своей деятельности. Это был очень откровенный, т. е. неосторожный, манифест, и потому правительство впоследствии старалось стеснить его распространение. Здесь императрица объявила свое неподцемерное и искреннее желание быть достойной любой своего народа, для которого она признавала себя «возвеленной на престол». Екатерина считала себя «призванной на престол «для соблюдения православного закона, укрепления и защиты общества, сохранения правосудия, искоренения зла и всяких неправд и утешений». Она решительно высказывалась в манифесте против самовластия, изображает недостатки предшествующего царствования. «Самовластие, — читаем мы в манифесте, — не сдерживаемое в государстве, царствующим самодержавием, есть такое зло, которое многим пагубным последствиям непосредственной бывает причиной. Для предупреждения таких последствий Екатерина торжественно обещала своим императорским столом узаконить такие государственные постановления, по которым бы правительство «в своей силе и в пределах границ» теченье свое имело так, чтобы в потомстве каждое государство место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядке». Испна мысль, которая выражается в этом недостаточно обработанном выражении: самовластие предшествовавшего царствования было возможно потому, что в основании государственных установлений не было точных и твердых законов, что государственные места не имели точно обозначенных пределов, свой власти и деятельного значения. Екатерина обещалась царствовать не только популярно, но и либерально: не только успокоить встревоженное и оскорбленное национальное чувство, но и поставить деятельность государственных учреждений в законные границы, которые сдерживали бы капризы власти. О специально сословных интересах, т. е. интересах дворянства, неудобно было распространяться в манифесте, однако, в нем замечено, что

препятствующее царствование особенно раздражило гвардейские полки, которым император дал «иностранные и развратные виды» (намек на неуклюжие прусские мундиры, введенные Петром).

Такова программа, какую при самом начале царствования торжественно и всенародно объявило новое правительство. Вы легко заметите разногласие между частями этой программы: отдельные части ее не только не имели внутренней связи между собой, но и заметно противоречили одна другой. Действовать популярно, т. е. в интересах всего народа, при тогдашних обстоятельствах становилось довольно трудно, если правительство думало действовать вместе с тем и в интересах сословных, т. е. дворянских. Мы уже видели, описывая положение этого состояния в государстве около половины XVIII столетия, что его частные, сословные интересы далеко не вполне совпадали с интересами общенародными. С другой стороны, обещая действовать популярно, т. е. установив новые государственные учреждения, которые сдерживали бы самовластие, Екатерина неминуемо должна была притти в столкновение не только с русскими правительственными общинами, но и с привилегиями, понятиями русского народа. Легко понять, что это за государственные постановления, действующие на основании точных законов. Это — конституционное государственное устройство; такого устройства мало сочувствовала масса тогдашнего русского общества. Итак, действуя либерально, нельзя было в то же время действовать и популярно. Политические мечтания, которые посыпались в голове Никиты Панина и его единомышленников, пришлись бы очень не по вкусу большинству русского общества, потому что они устанавливали аристократический порядок, тот самый порядок, против которого так энергически восставало даже либеральное дворянство в 1730 г. С другой стороны, действуя в интересах дворянства, Екатерина должна была жертвовать интересами огромной крестьянской массы, населявшей дворянские земли. Значит, необходимо было либо действовать либерально, но не популярно, либо действовать популярно, но не в интересах дворянства. Так программа, разбитая

В манифесте 6 июля, построена была на противоречии, состояла из целей, которые нельзя было примирить между собой.

Вопрос об отнаплениях дворян и крестьян, т. е. вопрос о крепостном праве, вот что более всего ставило интересы одной стороны во враждебное отнапление к интересам другой. Как выйдет или падется выйти из этого противоречия правительство Екатерины? Способ, который оно нашло для этого решения, характеризует как личность Екатерины, так и ее царствование. Она не отказывалась от какой-либо цели, поставленной в программе, в пользу другой, но она их разбивала; различая цели, она старалась проводить их в различных сферах своей деятельности. Народному интересу, популярным стремлениям дан был широкий простор во внешней политике. Здесь усилия правительства направились в те стороны, на которые давно уже было обращено народное внимание. В устройстве и деятельности высшего центрального правительства Екатерина оставалась верна тем политическим понятиям, которые господствовали в массе общества. Авторитет и деятельность верховного правительства остались нетронутыми в своих основаниях, такими, какими их создала наша история, т. е. как привык смотреть на них весь народ. Здесь, сохранив все права самодержавной власти, Екатерина действовала согласно с народными понятиями, т. е. популярно. Напротив, в устройстве областного управления, как и составных отнаплений, она развила и защищала интересы дворянства, отдав ему в руки все местное общество. Наконец, либеральные идеи века, которые тогда со стороны все более проникали в русское общество, были призваны правительством, но не для правительственный практики, а больше для укрепления правительской деятельности и общественной жизни. Эти либеральные идеи проводились в предисловии к законам, в литературных произведениях, даже в частных беседах императрицы, но не далее, в то же время законодательство только развивало и закрепляло факты, заявившиеся задолго до Екатерины. Таков был ход действий, который помог Екатерине выйти из противоречий объявленной ею

программы. Пропаганда в обществе шла века и законодательное развитие и укрепление фактов, не имевших с ними ничего общего, — вот основная мысль политической программы Екатерины. Для ясности укажу на одну подробность этой программы. Почти в продолжение всего царствования Екатерина проводила в литературных своих произведениях освободительные идеи французских литераторов и в продолжение всего царствования постепенно затягивала узким крепостного права.

Теперь обратимся к изучению деятельности Екатерины и прежде всего ее внешней политики. Внешняя политика Екатерины — самая блестящая сторона ее деятельности. Когда кто хочет сказать что-нибудь хорнее об этом царствовании, он прежде всего укажет на внешнюю политику: на блестящие успехи, на завоевания и победы, одержанные на юге и западе над турками и поляками. Вместе с тем внешняя политика служила для Екатерины лучшим средством приобрести то расположение общества, которое она искала, заставить забыть последнее о неаконном приобретении власти.

Наконец, вопросы внешней политики всегда прежде и настоящивее требовали себе разрешения с первых минут ее царствования. Деятельность Петра волвела Россию в многочисленные политические отношения с Западной Европой, где голос русского кабинета с 1721 г., с Нижегородского мира, получил важное значение. Но прямые текущие интересы связывали нас тесно только с тремя европейскими государствами: Швецией, Польшей и Турцией. Со всеми остальными государствами мы не имели непосредственных соприкосновений ни географических, ни политических. Впрочем, и названные три державы не все имели одинаковое отношение к интересам России. Всех ближе с царствованием Петра стояла к нам в нашей дипломатии Швеция, но с этой стороны покончены были наиболее острые вопросы: восточный Балтийский берег с частью Финляндии был завоеван, это составляло главную причину раздора России со Швецией до тех пор. Мысль об отмстке, с которой некоторое время носились в Стокгольме, желание оторвать ольши у России Ливонию и Финское побережье, посте-

Внешняя
политика
после
смерти
Петра Ве-
ликого

пенно отходила в шведской политике на залит план благодаря все яснее открывавшейся невозможности осуществить ее. Так мы разыгрывались со Швецией. Но в то время как Швеция отходила для нас на залит план, Польша еще не успела выступить вперед. Много глубоких и непримиримых интересов разделяло двух соседок: Россию и Польшу. Главным вопросом, издавна пытавшим вражду между ними, был вопрос о православных русских, входивших в состав Польского государства. Но до второй половины XVIII в. этот вопрос не был затронут еще во всей его полноте, не получил якучего развития. Дело в том, что Россия и Польша нуждались друг в друге. Их сближало однаково враждебное отношение к Турции. Таким образом, и Польша имела второстепенное значение в нашей дипломатии до половины XVIII в. Она была нужна для России не как соперника, а скорее как союзница. Оставалась на дипломатической сцене одна Турция. С этой стороны за очереди стояли вопросы первостепенной важности. Надобно было продолжать и докончить начатую в прошлешнем столетии при первых царях новой династии борьбу с Турцией.

Союз с Австроией
Но эта борьба казалась опасной в одиночку, поэтому искали союзников. Всех ближе стояла к Турции географически и политически Австроия; у нее также были претерпимые запутанные связи с Турцией. Естественно поэтому было сближение Австроии с Российской для общей деятельности в этом направлении. Уже при Петре русская дипломатия хлопотала о тесном наступательном союзе с Австроией. Вскоре по смерти Петра в 1726 г. в царствование Екатерины II этот союз был наконец заключен. С тех пор политика австрийского союза стала руководящим принципом русского кабинета; эта политика австрийского союза на тогдашнем дипломатическом языке известна была под именем системы Петра Великого. Русское правительство последовательно и с энергией действовало в этом направлении. Несмотря на дворянские перевороты, на смену правительства, в парсекование Анны эту политику с успехом и не без славы проводил знаменитый канцлер барон Остерман. В царствование Елизаветы в этом же направ-

лении действовал личный враг и дипломатический постпредатель Остермана канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Он только внес под влиянием обстоятельств новую ногу в эту политику — ожесточенную вражду, несвободную от некоторого страха, к прусскому королю, к новой звезде, которая тогда явилась на европейском горизонте. Канцлер Бестужев немолчно твердил Елизавете об опасностях, какие грозили России с прусской стороны, более всего от захватнического возмущительного характера прусского короля. Эта политика противодействия Пруссии в содействии с Австроией в конце войны за австрийское наследство склонила Россию на сторону Австрои. В Семилетней войне Россия энергично поддерживала Марию-Терезию. Эта политика была совершенно естественна и разумна. В 1740 г. на Авию бросилась огромная европейская коалиция с целью раздробить владения Марию-Терезии. Падение Австрои лишило Россию ее единственной союзницы поддержать ее против врагов. Правда, эта политика против союза имела свои неудобства: было трудно ити рука об руку с правительством, которое жило день за день, или по первому попутному ветру, не составляя планов на завтрашний день. Уже тогда этот союз причинил России мало плодов, но причинил много хлопот. Вся турецкая война в царствование Екатерины была испорчена для России союзом с Австроией, и Белградский мир 1739 г., благодаря поражению, которое понесли австрийцы, принес нам только клюк пустынной южной степи между Днепром и Бугом. Однако когда на очереди стояла борьба с Турцией, необходимо было держаться Австрои. Только около половины XVIII в. в Польше стало волноваться русское православное население, вынуждая русское правительство вмешаться во внутренние дела Польского государства.

Итак, вот два очередных вопроса, разрешение которых должно было стать первой заботой правительства: это вопрос турецкий и еще затрагивавший вопрос Крымских татар, сами не пользуясь плодородной почвой южной России, не позволяли пользоваться юю и

русскому населению, вырывали эти обширные и плодородные степи из европейского хозяйственного оборота. Надо было оторвать у них и оградить от них эти степи. Но крымские татары находили себе поддержку в Константинополе; хищественное приобретение южнорусских степей могло быть достигнуто только борьбой с Турцией. Вот в чем состоял турецкий вопрос для правительства XVIII в. и тогда он не состоял никаким более. С другой стороны, под давлением польского католического правительства жило огромное русское население, которое издавна стремилось к воссоединению с коренной Россией. Во имя религиозного и национального рода надо было поддержать стремление этого населения и освободить его от власти как чужеземной церкви.

Вот в чем состоял тогда польский вопрос, и ни в чем более не состоял он.

ЛЕКЦИЯ LXXVII

Внешняя политика Екатерины II. Международное положение России.—Внешние события царствования Екатерины II.—Приемы внешней политики.—Северная система.—Союз с Пруссиею—Решение турецкого вопроса.—Разрешение польского вопроса.—Результаты внешней политики.

Мы рассмотрим главные явления внешней политики Екатерины, чтобы видеть, как и каким образом разрешила она эти вопросы, стоявшие на очереди. Один из этих вопросов был турецкий, состоявший в том, чтобы довести южнорусскую границу до ее естественных пределов, т. е. до береговой линии Черного моря. Второй вопрос был польский, состоявший в том, чтобы воссоединить западную Русь с коренной Россией. Разрешение первого вопроса необходимо было для успеха русского народного хозяйства. Масса русского населения, некогда скученная на неплодородном верхневолжском суглинке, должна была перенести свой труд на южный плодородный чернозем, обработка которого невозможна была при господстве татар на юге Руси. Второй вопрос должно было разрешить по требованию национального и религиозного чувства, точнее говоря, необходимо было разрешить для обеспечения национальной безопасности и для удовлетворения религиозного чувства. Значит, первый вопрос был в сущности экономическим, второй в сущности национально-религиозным. Наша история чрезвычайно ясно и прямо по-

ставила оба эти вопроса, и направление, в каком столовало их разрешить, указано было так же ясно и просто старинными наивными написи политиками XV и XVI вв. Они уже хорошо знали в чем дело, в продолжение столетий страшно напрягали народные силы для того, чтобы отградить и отогнать к югу южнорусскую границу, ввести в народнохозайственный оборот пустовавшие южнорусские степи. Еще Иван III прямо говорил, что у него будет вечная борьба с Польшей, что он не положит оружия, пока не получит всю свою вотчину — русскую землю, находящуюся во власти Польши, что эта вечная борьба у него будет прерываться лишь кратковременными перемириями, чтобы дать отдохнуть людям. Точно так же смотрел на дело и Иванов внук Грозный. Когда последний Ягеллон на польском престоле Сигизмунд-Август предложил царю Ивану вечный мир, царь отвечал отказом и объяснил свой отказ такими откровенными словами: «за королем польским наша вотчина известная: Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и иные многие города русские. Так приложе ли с польским королем вечный мир заключать? Если теперь вечный мир заключить, то впредь через крестное целование вотчины своей искать будет уж нельзя, а крестного целования я нарушить не хочу».

Международное положение России

В распоряжении правительства Екатерины было много средств для успешного разрешения того и другого вопроса. Эти средства были не только внутренние, заключавшиеся в военных силах и финансовых источниках, но и внешние. Последние заключались в том положении, в каком очутились и Россия и Западная Европа по окончании Семилетней войны. Участие России в Семилетней войне дало не истощило всех ее средств. Напротив, западноевропейские государства, в ней участвовавшие, выплыли из этой борьбы истощенными. По заключению Губернаторского мира 1763 г. ни один из западных участников войны не имел ни средств, ни охоты возобновлять ее. Притом для разрешения, в частности, вопроса польского Екатерина располагала некоторыми местными благоприятными обстоятельствами: 1) в 1764 г. на польский престол был

избран королем Станислав Понятовский под именем Станислава-Августа, креатура России, следовательно, послужное орудие в ее руках при искусном направлении; 2) России держалась самая мотулистическая политическая партия в Польше, руководимая родственниками нового короля князьями Чарторыйскими. Наконец, Россия опиралась в польских своих спонсерах на преданную ей православно-русскую массу; в пределах Польского государства этой массе даже не нужно было подавать сигналы из Петербурга, чтобы в случае необходимости поднять ее против Польской республики.

Теперь посмотрим, как правительство Екатерины воспользовалось этими средствами, разрешая стоявшие на очереди вопросы внешней политики. Чтобы успешно разрешить их, надо было строго выдержать два условия: во-первых, разрешить тот и другой вопрос без вмешательства со стороны, не допускает этим вопросам местным — русско-турецкому или русско-польскому — превратиться в вопросы общеевропейские, во-вторых, надо было разрешить каждый из этих вопросов порознь, а не вместе. Чтобы видеть, как они разрешились на самом деле, я должен сделать краткий обзор внешних событий царствования Екатерины.

В первую минуту после июньского переворота у нас и за границей были убеждены, что внешняя политика России совершенно перемениется. Предшествовавшее правительство хотело действовать в тесном союзе с Фридрихом прусским, надеялись, что Екатерина разорвет этот союз и воротится к прежней системе — союзу с Австрией. Но необеспеченное положение Екатерини после переворота, неуверенность в прочности приобретенного правительства Екатерина сохранило в спорах с западными дипломатами твердый, самоуверенный тон; на это в особенности указует французский уполномоченный Брегель. Он недоволен, что Екатерина, уступчивая в делах внутренних, во внешней политике сохраняет твердый и самоуверенный тон; он объясняет его тем,

Внешние события царствования Екатерины II

а во-вторых, тем, что твердость во внешней политике не грозит ей личной опасностью. Брагель с удовольствием пишет, что во время разговора с Екатериной последняя, по крайней мере, раз 30 повторила ему «столько великая и могущественная империя, как мог!» Но Екатерина призналась французскому послу, что ей нужно, по крайней мере, пять лет мира для восстановления внутреннего порядка, «а пока, — добавила она, — я буду вести себя с государствами Европы, как искусная кокетка», т. е. и не откладывая и не давая слишком обязательных обещаний.

Но внешние события с начала царствования пошли ускоренным ходом: в 1762 г. умер в Польше король и курфюрст саксонский Август II. Началась избирательная агитация. В Польше боролись две партии: саксонская, желавшая вознести на престол сына умершего короля, и патриотическая, руководимая Чарторыйским, настаивавшая на передаче короны природному поляку. Партия князей Чарторыйских обратилась за помощью к России. Россия не хотела делать в Польше дела одна и вошла в союз с Пруссиею. Центр оборонительного союза Фридрих обещал России свое содействие, и русские войска, посланные в Польшу, помогли избранию племянника князей Чарторыйских, старого знакомого и приятеля Екатерины Станислава Понятовского. Но тотчас за избранием поднялся в Польше старый и жгучий вопрос о диссидентах. Диссидентами в Польше назывались не принадлежавшие к католическому исповеданию граждане Польской республики, огромное их большинство состояло из православных русских. К половине XVII столетия диссиденты, т. е. православные русские, были лишены в Польше не только политических прав, но и религиозной свободы. Они не имели места в польском сенате, лишились права посыпать депутатов на сейм, должны были платить поборы в пользу католического духовенства, лишины были многих православных церквей и епархий, переведенных в унио. Теперь диссиденты стали волноваться, требуя возврата отнятых прав, преимущественно свободы исповедания. Представителем их явился перед русским правительством епи-

скоп белорусский Георгий Конисский. В Москву во время коронации Екатерины он прибыл с просьбой от всех православных защитить их и в речи к Екатерине прямо назвал себя и свою паству «свернными подданными ее величества». Русское общество с чрезвычайным сочувствием относилось к этому вопросу о диссidentах, следовательно, не давало Екатерине возможности откладывать дело. Екатерина должна была поднять в Польше агитацию в пользу диссидентов. Польский сейм 1766 г. с неоднозначным неистовством встретил этот вопрос, обещая изрубить всякого, кто заговорит о нем. Но в Польше было средство, дававшее возможность вмешательства. Это средство заключалось в праве конфедераций. Недовольные правительством граждане могли составить общество и силу оружия добиваться у правительства своего. В Польше действовало право вооруженного восстания против правительства, т. е. не только против короля с его министрами, но и против самого сейма. Россия, встретив отказ со стороны Чарторыйских содействовать ей в деле, обратилась к противной партии и образовала из нее конфедерацию в Радоме. Самы политики-католики поставили на сейме вопрос о диссидентах. Русский посланник Репин арестовал особенно влиятельных противников вопроса о диссидентах и ввел русские полки в Варшаву. Это делывалось в Польше и прежде. Польский сейм 1768 г., благородно уравнив православно-русскую шляхту — дворянство — теперь могла посылать депутатов на сейм и ее представители, имеющие на то право по происхождению, могли занять место в аристократическом сенате. Но добившись для православных диссидентов политического уравнения, русское правительство не определило точно их положения первого. Постановление сейма сохранило за католической церковью господствующее положение. Король в Польше должен был принадлежать непременно к католической церкви. Вопрос о возвращении отнятых у православных церкви и епархий и вопрос о беспристрастном переходе вынужденных унитов в пра-

вославие не были разрешены и даже не были возбуждены на сейме. Россия, по настоянию Фридриха, заключила с Польшей договор, по которому чартерировала польские владения и обязалась не допустить никаких перемен в польском государственном устройстве.

Такое решение вопроса вызвало католическую реакцию в стране. Образовалась конфедерация в Баре с целью добиться отмены договора 1763 г. Россия должна была вести открытую войну с конфедерацией, главная квартира которой находилась по соседству с Бенгрией. Борьба с конфедерацией, разумеется, окончилась бы в пользу русских; конфедерация не могла противостоять регулярным русским войскам. Но Франция и Австрия, поддерживавшие Польшу против России, которая соединилась с Пруссией, желая спасти Польшу, втянули Турцию в войну с Россией; они воспользовались ничтожным нарушением турецкой границы, сделанным восставшими в Польше гайдамаками, т. е. крепостными русскими крестьянами польских панов, считавшими себя потомками вольных казаков. Гайдамаки эти восстали, как только образовалась Барская конфедерация, мсти полякам за политические и религиозные обиды. Так с польским вопросом соединился и вопрос турецкий.

Действуя по виновнику Австрии и Франции, Турция объявила войну в 1769 г. Русские в три года одержали ряд блестящих побед: в 1769 г.— при Хотине, в 1770 г.— на реке Ларге и на реке Кагуле, в том же году одержания были две морские победы русским флотом под общим руководством князя Алексея Орлова: в Хиосском заливе и в Чесменской бухте; Россия заняла оба берега нижнего Дуная; завоеван был и Крым, оставилось, значит, закрепить обе эти победы, так как Турция не имела средств бороться. Но Россия была союзницей с Пруссией, и Фридрих вмешался в решение турецкого вопроса. Он предложил такой проект: было бы неприятно для Австрии, если бы Россия слишком много взяла у Турции, но можно уладить дело иным путем: Россия завоевала тогда почти всю Польшу, борясь с конфедератами; пусть

Россия воинствует себя за турецкие победы поскольку польскими провинциями, но зато другие провинции пусть отойдут к друзьям России, т. е. Австрии и Пруссии. Таким образом и великие державы будут удовлетворены и Турция спасена. Так из Берлина пошел в ход вопрос о разделе Польши. Впрочем, Фридрих, опираясь на Австрию, грозил России в случае ее несогласия на этот проект не только отказать в поддержке, но и развязом с Россией. Россия приняла этот проект, и в 1773 г. произошел первый раздел Польши. Россия, завоевавшая Польшу и значительную часть турецких владений, получила Белоруссию; Пруссия и Австрия, не завоевавшие никаких владений, получили: первую Померанию и часть Великой Польши по реке Висле, а вторая — Галицию. После первого раздела скоро окончилась война с Турцией миром Кючук-Кайнарджийским в 1774 г. Турция очень мало потерпела неудачи: она только отказалась от власти над Крымом, объявленным свободным, да России уступлена была крепость Азов и Керчь с Еникалем на восточном берегу Крыма. Значит, южнорусская граница Каффарайским договором не была доведена до береговой черноморской линии, и Польша поплатилась двумсторонней борьбы России с Турцией и Польшей.

Вторая эпоха началась присоединением Крыма в 1783 г. Крым не мог быть свободным; там тогда после Кайнарджийского договора поднялась борьба партий, из которых одна поддерживала Россию; решено было, наконец, присоединить Крым. Но для того чтобы присоединить Крым, надо было опять воевать с турками, чтобы воевать с турками, нужно было заручиться содействием Австрии, ибо плоды победы в прежнюю войну были испорчены угрозами последней. Но чтобы соединиться с Австрией, нужно было отказаться от формального союза с Пруссией. В 1779 г. заключен был союз с Австрией для совокупного действия против Турции. Австрийский император Иосиф II, большой поклонник Екатерины, охотно пристал к этому союзу, объявив, что он в 24 часа исполнит все, чего покажет ее величество.

После присоединения Крыма Франция заставила Турцию объявить вторую войну России, начавшуюся в 1787 г. Война эта, веденная в союзе с Австрией, была менее первой удачна, только Суворов поддержал славу русского оружия блестящими победами 1791 г. при Фокшанах, на Рымнике и штурмом крепости Измала.

Как только началась вторая турецкая война, опять возник вопрос польский. Польским патриотам выгодно было ссыпывать оба эти вопроса. Поляки заключили союз с Пруссией ввиду того, что Россия действовала вместе с Австрией. Партия, прежде державшаяся России, теперь отцепилась от нее, потому что Россия отказалась содействовать ей в устройстве политического управления. По договору 1768 г. Россия обязалась не допускать перемены в польской конституции. Эта польская конституция страдала недостатками, которые были причиной вечных неурядиц в Польше. Польская монархия была избирательная, законодательная власть принадлежала сейму, состоявшему из сената и палаты «послов», выбранных депутатов. Дела решались единогласием; один депутат мог уничтожить постановление ^{жесткого} ~~жесткого~~ сейма, закричав только «не позволяю». Это называлось в польском государственном праве «свободное не даволять» — libertum veto. Наконец, известная часть граждан, недовольная правительством или сеймом, могла по залому поднять вооруженное восстание против того и другого — это право конфедерации. Польские патриоты, партия Чарторыйских, добивались отмены этих основных польских законов. Россия, по настоянию Пруссии обязавшись не допускать перемен в польском устройстве, должна была противодействовать преобразовательной партии. Теперь поляки, воспользовавшись напитми затруднениями в Турции, в союзе с Пруссией 3 мая 1791 г. произвели переворот, следствием которого было преобразование государственного устройства. По конституции 3 мая 1791 г. Польша была провозглашена наследственной монархией; libertum veto упразднено и заменено большинством голосов; право конфедерации было также упразднено.

В 1791 г. Россия кончила Турецкую войну миром

34

в Яссах. Результат войны состоял в удержаннии Крыма и приобретении северного берега Черного моря с Очаковом. Развязавшись с Турцией, Россия опять ввела армию в Польшу, чтобы уничтожить конституцию 3 мая. Польша была опять завоевана, но в этом, завоевании приняли участие и ее западные соседи. В 1793 г. произведен был второй раздел Польши между Россией и Пруссией. Пруссия взяла себе остальную часть Великой Польши: Данциг, Торн, Калиш и др., а Россия — Волынь и Полоцко. Польша низолита на степень зависимого государства. Так, Станислав-Август не имел права без согласия России объявлять войну и держать войска более 15 тысяч. Поляки, разумеется, восстали в следующем же 1794 году. Тогда Екатерина должна была завоевать в третий раз Польшу и, по настоянию преемника Фридриха-Вильгельма II, уничтожить ее политическое бытие. В 1794—1795 гг. произошел последний раздел Польши. Завоевательница Польши взяла себе Литву, а Пруссия и Австрия, не занесящие ее, взяли: первая — Мазовию с Варшавой, Висле, вторая — южные польские области, как-то: Краков, Люблин, Сандомир. Так как Курляндия была вассальным герцогством Польши, то с политическим уничижением Польши Курляндия была присоединена к России.

Таков ход внешней политики Екатерины. Теперь мы попытаемся рассмотреть ее приемы и результаты.

Изложение краткого обзора хода внешней политики показало, что Екатерине не удалось выдержать ни одного из условий успешного разрешения предстоявших ей задач. Ей не удалось ни избегнуть стороннего участия, ни разрешить каждый из этих вопросов полностью. Причиной этого были две коренные ошибки, ею сделанные. Первая из этих ошибок заключалась в перемене основания, на котором она поставила внешнюю политику. До сих пор во внешних отношениях русский кабинет руководился системой Петра Великого, т. е. с начала царствования другой систему, проводником ее был дипломат елизаветинского времени, учение и

Приемы
внешней
политики

политический противник Бестужева-Рюмина — граф Никита Панин. Панин — любопытное лицо в толпе екатерининских сотрудников; он очень симпатичен по политическим убеждениям, но как дипломат имел важные недостатки. Екатерина очень ценила его дипломатические таланты и соображения и оп в первую половину царствования был ее правой рукой во внешней политики, хотя и занимал только должность воепитателя великого князя-наследника. Но именно как дипломат он не заслуживал такого доверия: человек умный и очень образованный, он был великий лентяй; он терпеть не мог изучать дело, входить в подробности. Он был более настроен к общим идеям, к широким построениям, трудным комбинациям; но так как этим идеям и комбинациям недоставало практической разработки, то при их осуществлении они превращались в политические софии или, что еще хуже, в дипломатические идиотии. Добрый, честолюбивый и неподвижный, Панин в дипломатии был белоручка, спибрит.

Из этого сибаристата **Н** выпала его политическая идиллия, получившая название «северной системы». Извольте видеть, европейскому равновесию грозил австро-французский союз; для противодействия этому союзу необходимо было составить союз из северных протестантских государств. В этом союзе великие державы должны были запечатать мелкие от австро-французского захвата; это и называется «северной системой». Таким образом, северная система построена была на евангельской заповеди о любви к ближнему и на обязанности сильного защищать слабого. Севангельской стороны зрения или точки зрения средневековых рыцарей северная система была идиллией; встретившиеся в союзе государства были слишком различно устроены, чтобы действовать дружно. Товарицами явились и абсолютная монархическая Россия, и довольно абсолютная Пруссия, и очень конституционная Англия, и нация Швеции, и совсем анархическая Польша. Притом условия для государства не было достаточно общих интересов. России должна была действовать об руку с Польшей, у которой она хотела ощутить западную Русь. Пруссия

должна была действовать об руку с Саксонией, которую она хотела завоевать; Англия должна была действовать с Россией, которую хотела обмануть в торговке, а Швеция должна была действовать об руку с Россией, у которой она хотела воротить отнятие провинции. Одним словом, северная система была смелой дипломатической попыткой запречь в одну телегу лебедя, шкуру и рака. Но она имела еще то неудобство, что совершенно поссорила нас с Австрией и Францией, а эти государства нам были очень нужны по папским отношениям с Турцией. Итак, из-за цели провести в политике английское или рыцарское начало мы должны были рисковать успехом в достижении ближайшей цели, т. е. доведении нашей южной границы до Чёрного моря.

Второй ошибкой

был ошибкой был особый союз, заключенный

Россией с Пруссией.

Для успеха в польских делах

Россия сама пригласила Фридриха содействовать ей,

за это обязавшись оборонительным союзом. Союз этот

был заключен 31 марта 1764 г.; в договор внесли

условие вообще не допускать никаких перемян в политическом устройстве Польши. Этот союз сопровождался

рядом немытых последствий для Екатерины.

Прежде всего, он был не нужен: не Россия нуждалась

в содействии Пруссии, а наоборот. Фридрих вышел из

Семилетней войны с чувством одиночества, очень для

него опасного; он не мог выдержать новой борьбы

и особенно боялся России. Он ждал случая призвать

ее содействовать ему, а Россия сама позвала его на

помощь в польских делах. После Семилетней войны

он, избитый и утомленный, чувствовал себя очень не-

довко, был одинок и беспомощен, без союзников и без

средств к новой войне и трепетал России, вспомнив

тот самый визит казаков и калмыков в Берлин во

время Семилетней войны, он сам говорил потом, что

ему часто и долго снились эти гости. В записках

он откровенно признается, как нуждался тогда

в Дружбе России; значит, он и без обязательств с ее

стороны стал бы действовать в ее пользу. Из записок

Фридриха видно, как он был рад этому предложению,

развязавшему ему руки. Заручившись союзом с Рос-

сней, которой одной только он и боялся, Фридрих начал теперь развязно повергаться направо и налево. Далее, этот союз поставил Екатерину в противоречие с самой собой: она заключила союз с тем государством, которое впольском манифесте обожидало злейшим врагом России; таким образом, она не выдержала собственного торжественного слова. Притом у нас в Польше были совсем иные интересы, чем какие председовал Фридрих. Фридрих всего больше боялся преобразования польского устройства; эти преобразования должны были сообщить Польше больше внешней независимости и внутренней крепости, а Фридриху опасна была Польша независимая и внутри хорошо организованная. Эта опасность не грозила со стороны Польши России; у нас была опора в Польше, которая делала неопасным всякое внутреннее преобразование в этой стране. Огромное количество православно-русского населения, при каком бы то ни было польском государственном устройстве, ручалось за успех борьбы России с Польшей. Притом вошли партии, которые добивались этих реформ, по характеру своему не могли исполнить их быстро. Во главе этой преобразовательной партии стоял новый польский король; характер его имеет некоторое значение в истории этого вопроса. Станислав Понятовский — любопытное явление в истории Польши, явление, которым и закончилось ее политическое существование. Польша, так сказать, политически вымерла в лице своего государя. Любопытно, что именно тогда, когда по соседству с Польшей на престолах сидели мужественные женщины, именно: Мария-Терезия, которую венгерцы называли королем, и Екатерина II, которую на Западе величили Catherine le Grand, в это время на польском престоле уселись женщины, которых называли не иначе, как «матами». На польский полк, имевший тесную связь с тогдашним философским миром Франции; он состоял в переписке с известной ламой этого мира мадам Жоффре, которую называли не иначе, как «матами». На польский престол он вступил с самими сметами преобразительными планами. Как умный поляк он хорошо видел недостатки польского устройства, но видел только

одного — своей собственной неспособности устроить эти недостатки. Он сам признавал в себе темперамент монархический и крайне чувствительный; при каждом затруднении у него кружились голова и из глаз его лились потоки слез. Он во все дарствование не придумал ни одной практической меры; как на престол он вступил введенный за руку Екатериной, так и сопел с него при том же самом содействии. Когда во главе партии стоял такой вождь, можно было верно рассчитывать, что его планы не удалутся. В Польше тогда руководили дарами партии патриотов, которая вместе с новым королем Станиславом задавала широкими планами политического преобразования страны. Эти преобразования должны были вынести Польшу из той анархии, в которую повергло ее нелепое политическое устройство. Князья Чарторыйские хотели уничтожить сеймовое librum veto, заменив его большинством голосов, создать регулярную армию вместо временного ополчения пляхти, установить взамен избирательной монархии наследственную и т. д. России не были опасны эти реформы; для России даже было выгодно, чтобы Польша несколько окрепла и могла стать полной союзницей в борьбе против Турции. Нам собственно не было дела до внутренних польских преобразований и даже было выгодно, чтобы Польша лучше устроилась и могла давать более сильный отпор западным соседям. На очереди для России стоял вопрос о присоединении западной Руси, и для разрешения этого вопроса были предства, независящие от польского государственного устройства. Теперь, по вине Фридриха обязавшись не допускать перемен в Польше, Россия вооружила против себя всю преобразовательную партию, и даже сам Станислав Понятовский стал на либы. Вопрос о воссоединении западной Руси превратился в вопрос о государственном устройстве Польши, т. е. опять близкая цель отдалилась и стала позади дальнейшей или даже совершенно нам чуждой. С другой стороны, союз России с Пруссией в польских делах встревожил Австрию и Францию, а также и Турцию. Первые увидели в этом союзе намерение раздробить Польшу, и чтобы помешать этому, толгнули Турцию на войну.

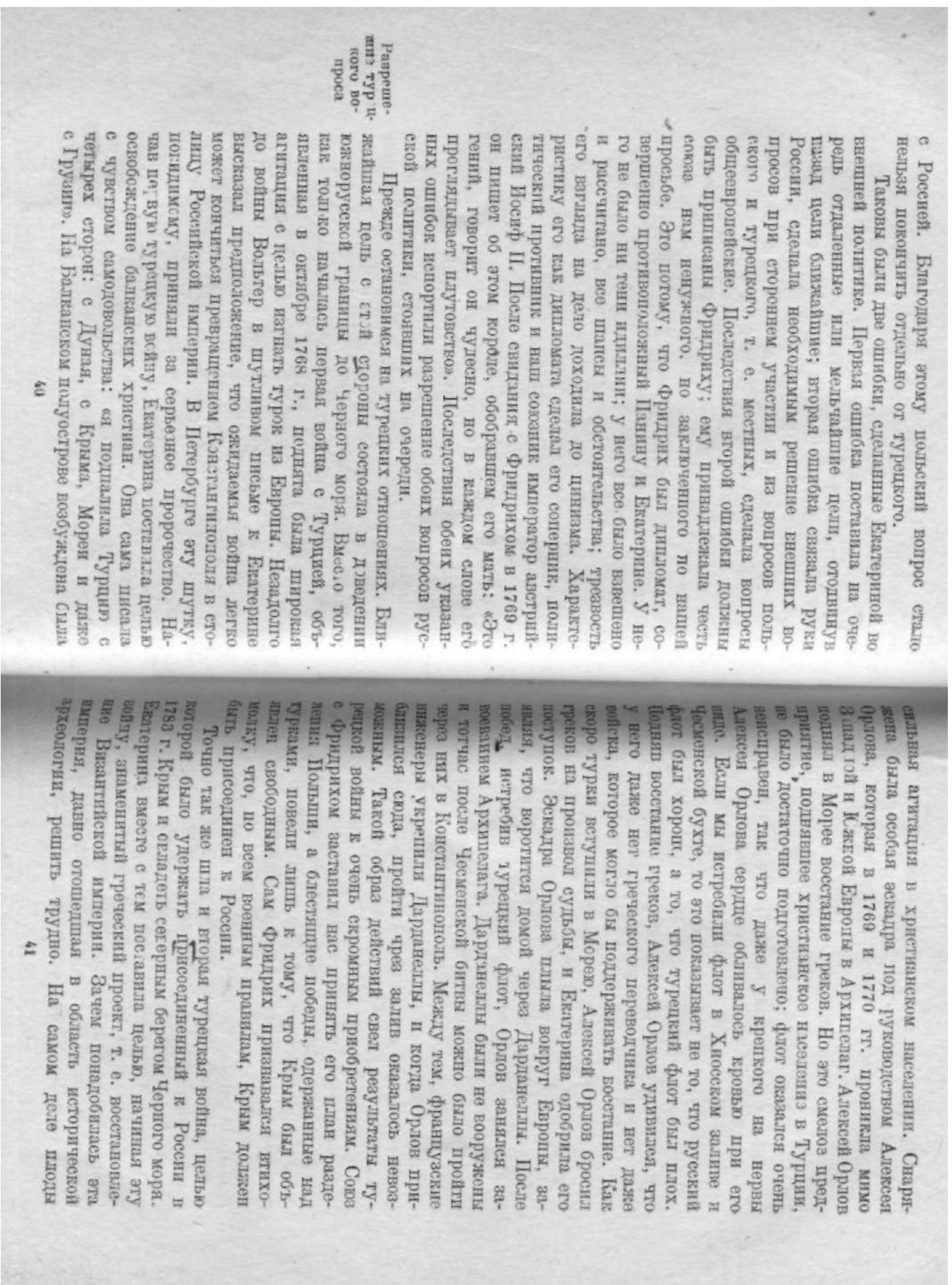
с Россией. Благодаря этому польский вопрос стало нельзя покончить отдельно от турецкого.

Таковы были две ошибки, сделанные Екатериной во внешней политике. Первая ошибка поставила на очередь отдаление или мальтийские земли, отдавнув позади близайшие; вторая ошибка связала руки России, сделала необходимым решить внешних вопросов при стороннем участии и из вопросов польского и турецкого, т. е. местных, сделала вопросы общеевропейские. Последствия второй ошибки должны быть приписаны Фридриху; ему принадлежала честь союза нам ненужного, по заключенному по нашей просьбе. Это потому, что Фридрих был дипломат, совершивший противоположный Панину и Екатерине. У него не было ни тени идиллии; у него все было взвешено и рассчитано, все шансы и обстоятельства; трезвость его взгляда на дело доходила до цинизма. Характеристику его как дипломата сделал его соперник, политический противник и наш союзник император австрийский Иосиф II. После свидания с Фридрихом в 1769 г. он пишет об этом короле, обобравшем его мать: «Этого гения, говорит он чудесно, но в каждом слове его проглядывает плутовство». Последствия обеих указанных ошибок испортили разрешение обоих вопросов русской политики, стоявших на очереди.

Прежде остановимся на турецких отношениях. Ближайшая цель с обеих сторон состояла в доведении южнорусской границы до Чёрного моря. Вместо того, как только началась первая война с Турцией, объявлена в октябре 1768 г., поднята была широкая агитация с целью изгнать турок из Европы. Неадолго до войны Вольтер в шутливом письме к Екатерине высказал предположение, что ожидаемая война легко может кончиться превращением Константина в столицу Российской империи. В Петербурге эту шутку, полагавшую, приняли за серьёзное пророчество. Начав почувахту турецкую визгу, Екатерина поставила целью освобождение балканских христиан. Она сама писала с чувством самодовольства: «я подарила Турцию с четырех сторон: с Дунаем, с Крымом, Морем и даже с Грузией». На Балканском полуострове возбуждена слама

дательная агитация в христианском населении. Снаряды были особая аскадра под руководством Алексея Орлова, которая в 1769 и 1770 гг. проникла мимо Западной и Южной Европы в Архипелаг. Алексей Орлов положил в Море восстание греков. Но это смело предпринятие, поднявшее христианское население в Турции, не было достаточно подготовлено; флот оказался очень исправлен, так что даже у крепкого на первых Алексея Орлова сердце обливалось кровью при его виде. Если мы истребили флот в Хиосском заливе и Чесменской бухте, то это показывает не то, что Русский флот был хороши, а то, что турецкий флот был плох. Полнил восстание греков, Алексей Орлов удивился, что у него даже нет греческого переводчика и нет даже языка, которое могло бы поддерживать восстание. Как скоро турки вступили в Морео, Алексей Орлов бросил греков на произвол судьбы, и Екатерина одобрила его поступок. Эскадра Орлова плыла вокруг Европы, занимая, что воротится домой через Дарданеллы. После победы, истребив турецкий флот, Орлов занялся захватием Архипелага. Дарданеллы были не вооружены и тотчас после Чесменской битвы можно было пройти через них в Константинополь. Между тем, Французские инженеры укрепили Дарданеллы, и когда Орлов приблизился сюда, пройти через залив оказалось невозможным. Такой образ действий свел результаты турецкой войны к очень скромным приобретениям. Собственно Фридрихом заставил нас принять его план разделения Польши, а блестящие победы, одержанные над Турками, повели лишь к тому, что Крым был обложен свободным. Сам Фридрих признавался втихомилю, что, по всем военным правилам, Крым должен быть присоединен к России.

Точно так же шла и вторая турецкая война, целью которой было удержать присоединенный к России в 1783 г. Крым и сделать северным берегом Чёрного моря. Екатерина вместе с тем поставила целью, начиная эту войну, знаменитый греческий проект, т. е. восстановление Византийской империи. Зачем понадобилась эта империя, давно отошедшая в область исторической археологии, решить трудно. На самом деле плоды

тяжелой и дорогой второй войны свелись на условия Ясского договора, который только подтверждал присоединение Крыма к территории Российской империи.

составлено герман и, пакопец, довою рускою грамотою до северного берега Черного моря. Из-за Крыма, который не стоял и одной поймы, воевали два раза, а вторая война, дорогая и не вполне удачная, стоила немногих финансовых жертв.

Разрешение
ниеполь-
ского во-
проса

прос состоял в воссоединении западной Руси, ио сначала его поставили иначе: добивались от Польши исправления западной русской границы, т. е. пропведения пограничной линии от Полоцка к Днепру на Оршу, иначе говоря, присоединения двух губерний — Витебской и Минской; значит, национальный вопрос был свелен к простому территориальному. Потом он был расширен; вопрос состоял в воссоединении западной Руси, но его тогда поставили иначе: потребовали у польского правительства уравнения православной шляхты с католической. Уравнение это могло быть двоякое — политическое и религиозное, т. е. надо было воротить православным или политические или религиозные права. Сами диссиденты добивались прежде всего религиозного уравнения: они требовали свободы проповедания, возврата отнятых польским правительством или католическим духовенством православных храмов, права невольним униатам воротиться к Вечелюговскому православию. Русское правительство настолько на уравнении политическом. Православное население получило право иметь представителей в сенате и палате послов; оказалось, что у него нет таких представителей: почти все русское православное дворянство давно перешло в состав польской шляхты, ополчились и окатоличилось, не из кого было выбрать депутатов в сейм. Репин доносил Екатерине, что православно-русские землю пашут и без всякого воспитания, съезжательно, могут не поддержать политические права своих избирателей, а только насмешить сейм. Во всем православном обществе не было ни одного лица, которое по польским законам могло бы сесть в сенате; в сенате сидели, между прочим, высшие иерархи, которые в католической польской церкви были

рих II всегда ставил вопрос резко, с математической определенностью. Вместо воссоединения западной Руси должны были принять план разделения Польши, а в воссоединении западной Руси. Мысль о разделе Польши, а в старой; ее внушили даже старым московским государям, но они всегда были против нее, говорили, что не хотят делить Польшу, а хотят отделить от Польши западную Русь. Такой неожиданный исход ясного и простого разрешаемого вопроса был делом допущенного стороннего вмешательства. Раздел Польши был выполнен ее западным соседям, а не восточному соседу. Ни в каком случае русское правительство не должно было допускать раздела Польши: нужно было отделить от Польши западную Русь, а не делить Польшу с Австрией и Пруссией. Нужно было спасти западную Русь от ополячения, а не отдавать Польшу на о немечение, иначе говоря, нужно было сделать Польшу настоящей этнографических границах она была бы менее опасна, сохранив свою самостоятельность, чем в виде нескольких провинций Пруссии и Австрии. Можно сказать, что Польша без западной Руси, сохранив политическую самостоятельность, не примирилась бы с восточными провинциями, а с другой стороны, уничижением Польского государства не избавляло нас от борьбы с польской нацией. В XIX в. мы уже три раза воевали с этой нацией: в 1812, 1830—1831 и 1863 гг. И, может быть, будем воевать еще. Может быть, для того чтобы избежнуть необходимой борьбы с нацией, нужно было счесть, решительной ошибкой даже и с обещавшими Польку, следовательно, убыто.

Таковы были последствия, вытекшие из сделанной Екатериной ошибки. Русская дипломатия собственно подготовила в чужую руку; в свое время глаза ее были несколько отумягчены видимыми успехами, огромными завоеваниями. Но собственно с некоторым успехом раз-

результативной политики

решен был только вопрос турецкий. Решение польского вопроса сопровождалось невыгодами, которые заставляют спросить, окупились ли они приобретениями! Из этих выигрыш главная заключалась во впечатлении, когда русская эскадра в 1769 и 1770 гг. пропарадировала мимо Западной Европы, тамошние добродушные зрители серьезно подумали, что идет она разгромить Турцию, а разгромив Турцию, завоюет рано или поздно Европу. Так пошла западноевропейская легенда о неудержимом стремлении России против беспасности и политической независимости Западной Европы. Из Петербурга поддерживали эту политическую сказку; автором блестящего проекта о восстановлении Византийской империи был Потемкин, один из характерных сотрудников Екатерины. Последний фаворит Платон Зубов не хотел отстать от своего предшественника и в конце царствования составил на французском языке ростпись будущей Европы, как сделает ее Россия. В этой ростписи мы не находим следующих государств, куда-то девавшихся: Швеции, Дании, Греции и Австрии. Русская империя заключает в себе шесть городов: Петербург, Москву, Астрахань, Берлин, Вену и Константинополь; в Российской империи шесть двоевластий «Общих политических соображений». Вторая невыгода, созданная дипломатией Екатерины, заключалась в тех испытаниях, каким она подвергла находившуюся на Русь христианская население Балканского полуострова. Так непроизводительны были многие средства, доставшиеся Екатерине от ее предшественников. Русская дипломатия поставила целый ряд блестящих, симпатичных, но недостижимых целей, удастся ли соглашаться с Екатериной, которая, начиная первую турецкую войну, говорила: «события покажут, что мы ни у кого в хвосте не тащимся». Из переписки Екатерины с ее заграниценным приятелем бароном Гри-

мом 1778 г. мы узнаем, что в Голландии после первого раздела Поллии выбили карикатурную медаль. На медали этой изображены были Екатерина и Мария-Терезия в коляске, а на колах — Фридрих II. Паскаль спрашивает, куда они едут? Те отвечают: куда будет угодно кучеру. Екатерина, получив известие от Гrimma об этой карикатуре, заметила: «что все это забавно, недостает только истины и музыки из комической оперы; первое было бы зло, а второе поплодо». Екатерина сама виновата, что карикатура вышла злой, а не поплодо.

ЛЕКЦИЯ LXXVIII

Внешняя деятельность Екатерины II. Общий характеристика политики Екатерины II.— Непрочность ее положения на престоле.— Знакомство с внутренним положением России.— Мысль о необходимости нового кодекса законов.— Политические идеи Екатерины II.— Составление Наказа.— Литературные источники Наказа.— Содержание Наказа.

Особенности, которыми отличалась внешняя политика правительства Екатерины, не чужды были и его внутренней деятельности. Вот почему, я думаю, не лишнее будет еще раз восстановить в памяти особенности этой внешней деятельности. Нет надобности уменьшать значение результатов, достигнутых Екатериной во внешней политике. Один из двух основных вопросов, ей предстоявших, разрешен был довольно удовлетворительно, хотя и мог бы быть разрешен с меньшими жертвами. Огромный экономический капитал, какой представляли южнорусские степи, открыт был народному труду благодаря двум войнам с Турцией, которые закрепили за Россией северный берег черного моря, с тех пор как приобретены были Крым и Очаков. Далее: менее удовлетворительно разрешен вопрос польский, но и здесь сделаны важные приобретения: воссоединены были Белоруссия и Волынь с Подолией, присоединена была даже иностранская страна Литва; зато должно было отказатьсь от чисторусской Галиции, хотя этот отказ стоил Ека-

Общая характеристика политики Екатерины II

терине слез. Население Руси в 1762 г. определялось 1795 миллиона в 20; в последние годы царствования (а 1795 г.) его считали 32 миллиона. Большую часть этих 12 миллионов надо было отнести на счет территориальных приобретений, сделанных в это царствование. Внешняя политика Екатерины, кроме этих материальных приобретений, производит впечатление и другой своей стороной — нравственной. Как литературный памятник дипломатическая переписка петербургского двора в это время безупречна. В этом отношении она поднялась высоко над дипломатией других дворов. Среди тогдашних дипломатических интриг и бессовестной борьбы за право силы русская дипломатия была единственной, сохранившей некоторую политическую спадливость. В ней только можно встретить слова, которые терпеть не могла дипломатия того времени: «добросовестность», «честосердечность», «гуманность» и т. д. Только Панин во все время доказывал, что нечестно мешать полякам выйти из того хаоса и варварства, в какое их загрузило их политическое устройство; только Панин хлопотал о такой политической комбинации, о таком союзе, в котором сильные государства должны были защищать слабых. Таким образом, внешняя политика Екатерины выделялась в тогдашнем политическом мире присутствием нравственного начала. Беда в том, что эти нравственные начала не оставили почти никакого следа в тогдашней европейской жизни. Зато недостатки ее оказались очень тяжелыми последствиями в жизни России; Екатерининская дипломатия отличалась широтой плана, сложностью построения, всевозможностью целей, какие она себе ставила. Но рядом с этими качествами в ней было недостаточно практическое понимание своих задач, не было умения пользоваться наличными средствами, настойчивости в доведении до конца того, что начато, и внимания к ближайшим достижимым целям. В этой дипломатии заметна склонность играть в высокие приключения, но она вообще при этой игре плохо держала карты, что было очень дурно в тогдашнем дипломатическом мире, любившем заглядывать в чужие карты. В ней много стремлений, но мало практической

разработки; много идей, но недостаточно техники, труда; много принципов, осуществление которых жалко в будущем, но мало не только знания прошедшего, но и трезвого понимания настоящего положения дел. Оттого ей недоставало первого исторического глазомера.

Те же самые особенности встречаем мы и во внутренней деятельности Екатерины. Теперь можно указать и главные источники этих особенностей, т. е. недостатков. Прежде всего то было самое происхождение части Екатерины, т. е. путь, которым власть была достигнута; надо было заставить забыть об июньском перевороте, оправдать незаконный захват власти. Для этого нужно было сделать много шума, если и не великого; нужно было поднять шум, ставя отдаленные цели, широкие планы. Но при этом упускались виду цели близайшие, более скромные и практические достижимые. Таким образом, самое положение создавало этот недостаток в деятельности Екатерины.

С другой стороны, к тому же дела и обстояния, в какой себя чувствовала Екатерина в первое время царствования. В первую минуту после переворота она не могла скрыть своего восторга, была в чаду от успеха, каким сопровождалось ее предпрятие. Но это обаяние достигнутой власти отравлялось беспокойством, которое внушалось мыслью о непрочности этой власти. Екатерина скоро почувствовала, что труднее удержать власть, чем ее приобрести. Вот почему она иногда проговаривалась в беседах с иностранными посланниками, что еще не вполне счастлива, что от все что-то не по себе. Мелкие, но тревожные события поддерживали эту боюньсть быть низвергнутой. Успех июньского переворота многим кружил голову. Сматря на то, как сотрудники переворота поднялись, многие в гвардии хотели попробовать успеха, тем более что был вопрос, за который можно было успеться: в Шлиссельбургской крепости еще жил старый узник Иоанн Антонович, минутный император. Тогда он был уже не ребенок по летам, но продолжительное заключение, в котором он стал впервые сознавать себя, поаженный в крепость еще ребенком, подействовало

на это умственные способности; он вышел совсем негодным, юродивым. Панину поручено было охранять этого узника; приставлены к нему офицерам Панин велел склонять узника к монашеству. Иоанн Антонович только заспорил со своим стражем об имени: ему рекомендовали имя Геласия, а ему захотелось Феодосия; да притом же он сомневался, как он будет монахом, если он бесплотный. В первое время переворота Екатерине советовали упрочить власть замужеством с этим императором. Екатерина виделась с ним, посмотрела на него и с грустью должна была отказаться от этого средства упрочить власть. Затем в гвардии говорили, что после июньского переворота следовало бы короновать ее сына наследника. Гвардейские офицера братья Гурьевы начали даже составлять заговор во имя шлиссельбургского заточника, причем говорили и о правах великого князя Павла. Заговор вскрылся, виновные были наказаны, но следствие показало, что агитаторы не переменились в своих отзывах о Екатерине и даже распределяли солдат в пользу своего предприятия. Так Екатерина должна была чувствовать себя на утолях. За границей вообще не верили, что она долго усидит на престоле. Казалось невероятным укрепиться на нем иностранке, случайно попавшей в Россию, ничем с ней не связанной, за которой не было даже и памяти великого отца, как за ее предшественницей Елизаветой.

Екатерина очень хорошо чувствовала свое положение, вот почему она в первое время и действует как чиновник, ежедневно ждущий отставки. Она всех выслушивает, принимает разнообразные мнения, боится кого-нибудь оскорбить резким отказом. Отсюда ее уступчивость и тревожное настроение, не покидавшее ее даже в большом обществе, несмотря на ее умение владеть собой и держаться. Она часто на вечерних собраниях вдруг впадала в раздумье, становилась рассеченою и, когда ее спрашивали о причине, она призналась, что не совсем довольна своим положением. Так она должна была постоянно напрягаться, чтобы быть настороже, делать усилия, чтобы не потерять завоеванной популярности. Чтобы упрочить свое

положение, ей надо было определить свои отношения с окружающими и потом угодить всему обществу, исполнить его первые желания.

Екатерину окружали в первое время после переворота люди двух родов: общество ее состояло из старых придворных, доставшихся ей от елизаветинского времени, старых и опытных знатоков искусства жить при дворе, и потом из новых избранников судьбы, которые выдвинулись помощью переворота и старались подражать старым, усвоить себе искусство жить при дворе. К первому кругу принадлежали елизаветинские дельцы: бывший канцлер Бестужев-Рюмин, бывший посланик Никита Панин, бывший генерал-прокурор Орловы заняли самое видное место при дворе. Во время коронации, которая была в сентябре, три старших брата возведены были в графское достоинство. Под свежим блеском величия происшествия, как они величили ионинское дело, и они были возбуждены, и они были в чаду. Иностранцам они казались вообще ниже Екатерины по уму и образованию; еще любопытнее, что они казались ниже по уму, образанию и талантам даже елизаветинских дельцов. Иноzemцы вообще отдавали премудрество в «блесткости», в выпивке и позанимствиях старикам Бестужеву, Панину и другим перед этим Ласунским, Орловым и т. п. Теперь восторженная казарма над прежней канцелярией министерства иностранных дел, и новый слой дельцов настолько же и в том же отставал от старого, насколько и в чем казарма отставала от канцелярии иностранных дел. Эти люди теперь спешили пожинать плоды своего дела; они не довольствовались наградами, полученными за участие в перевороте, хотя эти награды были довольно значительны. Им раздано было 18 тысяч крестьян и более 180 тысяч рублей в виде наград, не считая постоянной пенсии от 5 тысяч рублей и ниже. Такие поголовные пенсии получили, например, гетман Рязумовский, Никита Панин и другие. Телерь, воспользовавшись положением Екатерины, они осаждали ее,

старались навязать ей слои мнения, даже просто без
перемежи просили денег. Сама Екатерина в одном раз-
голоре с иноzemным послом сравнивала себя с зайцем,
которого поднимают и гонят со всех сторон. Она чув-
ствовала себя обездной этими людьми и потому не могла
им резко отказывать. В письме к Понятовскому, писан-
ному в первые дни царствования, мы читаем, между
прочим, такие слова: «Я знаю, меня заставят сделать
тысячу странностей, если я исполню, меня будут об-
язать, если нет — я и не знаю, что случится». Она только
впоследствии могла убедиться в том, что даже при
более твердом образе действий с ней ничего не случи-
лось бы. Но теперь она должна была уступать; отсюда
ее беспомощность и робость в каждом, даже мелоч-
ном, внутреннем деле, которое откуда-нибудь вызывало
возражение. Это заметили даже иноzemцы. Пользуясь
боязливостью Екатерины, ей при каждом ее решитель-
ном шаге со всех сторон пели в уши, что известная
мера вызовет ропот в народе, а ей всего было горячо
потерять любовь народа.

Продолжительность ремонта в обеих случаях увеличивалась и беспе-

Трудность ее положения увеличивалась и беспрестанноюностью обращения с ней окружавших. Она вообще в первое время, по крайней мере, не умела заставить относиться к себе с почтительностью. При Елизавете, когда она была великой княгиней, с ней все приворотные обращались фамильярно; теперь ближайшие ее воротнички по перевороту не могли отвыкнуть от простого обращения, усвоенного колониацией. На такое простое обращение указывает одна маленькая записка, адресованная к ней Бецким, который даже в 1767 г. не мог отстать от конспиративных привычек в обращении с Екатериной; записочку эту вызвало соперничество Бецкого с Паниным: «вижу, что Никита велик стал у него величества; еду к нему поклониться, да и другим то же посоветовать». Но Екатерина умела ладить с этими людьми, они были не столько опасны, сколько тяжелы. Теперь ей нужно было пустить в оборот свое непобедимое терпение в выступлении этих людей, неизменную любезность в ответах и уступчивость, когда того требовали обстоятельства. В записках Дашковой есть один выразительный рассказ, который показывает,

что с этими людьми легко было ладить, хотя и был неприятно быть в их обществе: на четвертый день первые обе дамы сидят вдвоем и беседуют о последствиях событий. «Друг к нам вторгается Иван Иванович Белкин и обращается к Екатерине с неожиданным вопросом: «Скажите, кому вы обязаны вашим возвышением?» — «Богу» и избранию моих подданных», — отвечает Екатерина. «Так я несчастный человек», — сказал Белкин в слезах, стоя на коленях, и снимает с себя Александровскую ленту и кладет к ногам Екатерине. «Что это значит?» — спрашивает Екатерина. «Я несчастный человек, если вы не признаете меня единственным виновником возвращения. Разве не я подстроил умную гардию, разве не я бросал деньги в народ?» Екатерина сначала была смущена этой неожиданностью, но потом сообразила и ответила: «Я признаю вас единственным виновником возвращения, и так как я вам обязана коронованием, то кому же, как не вам, поручить изготавление короны и всего, во что я буду одета во время коронации». И он действительно был первым мастером во время коронации.

Гораздо трунее было дать почувствовать пользу ришего правительства всему русскому обществу. Екатерина плохо знала это общество, как и вообще положение дел в России, вопросы, стоявшие на очереди. Жизненная опытность дала ей мало средств, чтобы знать его. Она вращалась до тех пор в тесном кругу петербургского двора, а петербургский двор был слишком далек от русского народа и географически, и нравственно, может быть, еще дальше, чем географически. Вот почему Екатерина принялась усердно изучать положение страны; она стала часто посещать заседания Сената, быть внимательной слушательницей сенаторских прений, сама прочитывала сенатские дела, распрашивала обо всем всех и каждого. От первых лет ее царствования нас донесел ряд откровенных записочек и заметок, в которых она излагала результаты своих прилежных наблюдений. Любопытно узнать из этих отрывочных заметок, в каком виде представлялось ей положение по этим наблюдениям. Русская армия, стоявшая в Пруссии, восемь месяцев не получила почувствовала

Знаком-
ство с
внутрен-
ним поле-
жением
России

Русской вспыхнул торговый совет заладил пострадали. Главные статьи внутреннего производства прервались в частную монополию; русский кредит совсем пал. Елизавета во время Семилетней войны никак не могла вымогать у голландского банкира 2 млн. рублей под высокие проценты. Управление было вконец разстроено. Сенат решал дела необыкновенно медленно; целые шесть недель он слушал только доклады о выgone г. Мосальска и подгородных лугах. Областные управители, губернаторы и воеводы, не получали жалованья, кормились от дел по-старому, т. е. брали взятки, несмотря на строгие указы, их запрещавшие. Крестьяне волновались. Екатерина насчитала до 50 тысяч заводских и до 150 тысяч монастырских и помещичьих крестьян в язвом восстании; против них высыпалась военные команды, прибегавшие к оружию, даже иногда употреблявшие в дело пушки. Сенат начинял областных управителей, а между тем сенаторы не знали, сколько прозинций в Российской империи, атласа Русского государства в Сенате не было с самого его основания. В Сенате не было даже списка русских городов, в которые он назначал управителей, которых он обязан был контролировать. Когда на одном заседании Екатерина попросила такой список, его не оказалось; она попросила извести справку о городах по атласу — атласа не оказалось; она вынула 5 рублей и послала секретари купить атлас и подарить его Сенату. Государственных доходов значилось по ведомости 16 млн. рублей в год. Екатерина сосчитала ежегодные доходы и по счету оказалось, что их 28 миллионов; 12 миллионов куда-то девались между пальцами. В 1765 г. Екатерина назначила смотр балтийскому флоту; флот, любимое детище Петра, предстал перед ее глазами в самом жалком виде. Корабли наезжали друг на друга, ломали снасти, не могли выстроиться в линию, никак не могли при стрельбе попасть в цель. Екатерина, кончивши смотр, сказала, что этот флот гордится разве только для ловли сельдей. В таком виде представилось ей положение дел.

Чтобы войти глубже в общество, чтобы наблюдать его не свысока, не из Петербурга, она предпринимали

в первые годы ряд путешествий. Так, в 1763 г. она ездила в Ярославль и Ростов, в 1764 г. обхекала прибалтийские губернии, весной 1767 г. предприняла поездку «в Азию», т. е. решилась проплыть по Волге. Она отправилась с многочисленной свитой тысячи в две барки и спустились до Симбирска. Это путешествие было для нее в высшей степени наизнательно. Она боялась переворота, не знала достанет ли у нее средств упрочить за собою народную любовь, успеет ли она сладить с общественным мнением. Поездка убедила ее, какой гибкий материал находится в ее руках, как мало нужно сделать для этого народа, чтобы вызвать с его стороны самую искреннюю преданность. Когда еще ничего не было сделано, а многое наобещано, Екатерину всюду встречали с неописанным восторгом. Далее, Екатерина отмечает в своих путевых письмах, что по дороге они всюду встречали города «прекрасные по ситуации и меракие по постройке». Особенно поразила ее престрота населения Казани. «Это особое царство, — писала она с дороги, — такое множество объектов, достойных внимания, а идей на 10 лет набрать здесь можно». С таким собранием сведений, наблюдений Екатерина и предприняла ряд внутренних преобразований, которые должны были сделать, согласно с обещанием ильского манифеста 1762 г., счастливыми ее подданных.

Путешествия, наблюдения и расспросы помогли Екатерине несколько войти в положение дел, и как только она начала входить в него, ей представились главные недостатки, которыми страдал государственный порядок. Недостатки эти состояли в беспорядочности законодательства. В самом деле, старый кодекс, составленный еще при царе Алексее, Уложение 1649 г., давно устарел; накопился огромный новый законодательный запас; еще при Петре сделана была попытка привести в порядок этот запас и составлена в 1700 г. комиссия, которая должна была разобрать изданные законы, сличить их с Уложением и составить новый кодекс. С тех пор эта кодификационная работа несколько раз возобновлялась и все неудачно. В потоке новых законов, при том часто выходивших из различных источников, при-

**Мысль о
необходимо-
сти исполь-
зования ко-
декса за-
конов**

постоянных сменах правителей невозможно было составить порядочное Уложение. Недостатки эти обратили Екатерину к мысли, что привести в порядок законодательство — ее первая обязанность. С тех пор начинается ее работа, которую она шутливо в письме к Гриму назвала своим законобесием. Приближенные указывали ей на необходимость привести в порядок действующее русское законодательство, в котором рядом лежали различные законы, изданные в разное время с разных точек зрения, ставивших себе различные цели. Пункто было, таким образом, собрать и расположить в порядок весь этот законодательный хаос, пополнить его пробелы, устранив противоречия. Это была скучная, черная, продолжительная, но полезная работа. Екатерина уклонилась от нее, но вникнув в наущение действующего законодательства, она прямо решила, что это все никуда не годится. В ее письме есть житейский отзыв о русском законодательстве: она говорит, что законы эти извели множество народа, что благодаря им народное благосостояние *все* падало, а не поднималось, что было даже не совсем справедливо.

Осудив так резко законодательство, Екатерина остановилась на другой блестящей цели: составить совершенно новое уложение, которое не имело бы ничего общего с действующим законодательством и было бы построено на иных началах. Мы можем удивляться, почему Екатерина решила так и потому выбрали себе такую далекую цель, которая была еще труднее достижима, чем первая, т. е. простое собрание и приведение в порядок действующих законов. Это объясняется ее положением: чтобы привести в порядок действующее законодательство, нужно знать его и знать также потребности времени, чтобы с их помощью пополнить пробелы, оставшиеся в законодательстве, но Екатерина многого не знала, она даже совсем не знала действующего русского законодательства. Чтобы пополнить пробелы в этом законодательстве и устранив противоречия, нужно было коснуться очень многих щекотливых интересов современного общества. Так, например, при изучении действующего законодательства оказалось бы, что законодательство не касалось самых основ крепостного

права, что оно развило больше как факт, а не как закон. Устранни пробелы, нужно было, таким образом, точно определить отношения, господствовавшие в сельском мире. Мы знаем, как этот щекотливый вопрос затронул бы лиц, опираясь на которых Екатерина вошла на престол. Итак, она многое не знала, но из того, что знала, она многое не могла коснуться, потому что слишком тесно была связана с людьми, интересы которых этим затрагивались. Таким образом, Екатерина была постепенно обита в своей законодательной работе с почвой практических интересов, наступившей потребностей. Что ей оставалось? Ей оставалось открыть одна повышенная сфера общих идей и благожеланий. Но ей и самой приятно было врадаться в этой завешенной области; туда влегли ее понятия и вкусы, ее усвоенные. Мы знаем, что еще дома, в Германии, она получила чисто французское воспитание.

В России она познакомилась с тогдашней философской и политической литературой старой Франции и увлеклась этой литературой; она перечла не только Беня, но и Вольтера, и Монтескье, и других современных французских публицистов. Из этого прилежного чтения она вынесла тот гуманный либерализм, каким вообще отталкивались все поклонники тогдашней французской политической литературы. Этот либерализм она выражала и в своих литературных трудах и в беседах с окружавшими. Беседы эти вместе с отрывочными записками позволяют нам войти в круг ее политических понятий и симпатий. Так, она называла себя «рыцарем свободы и законности»; она считала себя принятой на престол «на благо общества, чтобы обеспечить народу свободу, честь и собственность». Она проигнорировала раз дело Артемия Волынского, незаслуженно казенного, как нам известно, в угоду Бирона; несправедливостью процесса, жестокостью кары это дело поразило Екатерину, и она сгоряча, под впечатлением прочитанного, дает такой завет сыну и всем потомкам в записке 1765 г.: «Всегда государь виноват, если поданные против него оторвены, изволь мериться на этот аршин». Екатерина не пророчила счастья ни одному из своих преемников, кто забудет этот завет. В числе

Политические
иди Екатерины II

записанных ею мыслей в первые годы царствования читаем: «Противно христианской религии обращать в рабство людей, которые родились свободными... Свобода — душа всех людей, без тебя все мертвы! Я хочу, чтобы повиновались законам, а не рабов... Не знаю, мне кажется, я всю жизнь буду чувствовать отвращение к чрезвычайным судным комиссиям, особенно секретным... Снискождение, примирительный дух государя делают больше, чем миллионы законов, и политическая свобода дает душу всему». Это, конечно, были «экспленийский симптом того времени, но такой неопределенной политической настроению, каким тогда прониклись петербургские либералы. Они также жадно усвоили себе новые политические идеи, но в таком общем виде, так неопределенно, что эти идеи не могли иметь практического приложения, действовали лишь на первых поступках этих людей.

В таком настроении Екатерина и принялась за просовательную деятельность. Согласно с общим характером этих устюенных ею политических идей новое законы она хотела создать при содействии общества. Без содействия общества не мог обойтись тогдашний либерализм. Новый кодекс должен был выйти не из канцелярии, а из рук самого народа. С этой целью сочинила представителей разных классов русского общества в Комиссию для составления проекта нового русского уложения. Итак, само русское общество должно было создать себе законы; но Екатерина не хотела оставить этих представителей без руководства; она хотела наложить им основные начала, которые должны были лежать в основу нового русского кодекса. Такое руководство она предложила комиссии в своем Наказе.

Наказ — первый акт ее преобразовательной деятельности, с которой мы должны познакомиться. Екатерина сама довольно подробно рассказывает о том, как составлялся этот Наказ. В одной из ее записок, написанных около 1779 г., мы читаем: «Усматривая в первые три года, что все требовали и желали, дабы

законодательство было приведено в лучший порядок, из него вывелася я у себя в уме заключение, что образ мыслей вообще, да и самий гражданский закон не может получить поправления никак, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вообще вещей правил, мною писанных и утвержденных. И для того, я начала читать, потом писать наказ Комиссии уложения. Два года я читала и писала, не горюя о том полтора года ни слова, по следу единственно уму и сердцу своему с ревностнейшим желанием пользы, чести и счаствия империи. Предуслов, по мнению моему, довольно в сей работе, я начала казать по частям статьи, много заготовленные, людям разным, всякому по его способности; но более одного или двух листов не показывала. Наконец, заготовила она манифест о созыве депутатов, помеченный 14 декабря 1766 г. В одном письме к своей парижской приятельнице Жоффре от 22 марта 1765 г. она пишет, что ежедневно встает рано и часа два-три посвящает работе над составлением законодательного руководства, т. е. над Наказом; работа эта продолжается у нее уже два месяца. К началу 1767 года Наказ был готов; итак, он писался с начала 1765 и до конца 1766 года.

Когда в 1767 г. стала съезжаться в Москву депутаты, Екатерина выбрала из них «некоторых персон, весьма разномысливших» и дала им прочитать свой Наказ. Как прежде того люди, которым она показывала по одному или по два листа, так и эти депутаты были поражены тем, что прочитали в Наказе. Екатерина начала истреблять неодобренные читателями части Наказа. Она пишет Г-же Жоффре, что после предварительной секретной цензуры, которой она подвергла свое произведение, она изорвала или сожгла более половины написанного. Теперь наступила вторичная цензура со стороны избранных депутатов. Екатерина предоставила им чернить и марать, что им захочется, и они зачеркнули более половины того, что прочитали в Наказе. Уцелевшие статьи и были напечатаны летом 1767 г. то дни открытия комиссии. Значит то, что мы читаем в печатном Наказе, есть не более четверти того, что было написано Екатериной. Такая строгая

двойная penaура объясняется характером и содержанием Наказа.

Наказ был написан в пору того увлечения французскими политическими идеями, которое мы видели по некоторым призывам и запискам Екатерины. Этим объясняются его источники. Не думайте, что Наказ — практическая инструкция, которой должны были руководиться депутаты в их сложной и трудной работе. Нет, это философско-политический трактат; такою его характер объясняется его источниками. Источниками его послужили те книги, которыми Екатерина тогда увлекалась. Прежде и шире всего она пользовалась книгою Монтескье «Дух законов». Собираясь послать экземпляр наказа к одному из энциклопедистов Д'Аламберу, она пишет м-м Жоффре: «Я скоро пришлю ему тетрадь, из которой он увидит, к чему могут служить нам сочинения гениальных людей, когда хотят делать из них употребление». Книгу Монтескье она сама называла «молитвенником государей, у которых успел здравый смысл». «Это мой молитвник», — несколько раз повторяет она в письме к Д'Аламберу. Этому Д'Аламберу она пишет в половине 1765 г.: «Вы увидите (из Наказа), как для пользы своей империи я оббрала президента Монтескье, не называя его; наядесь, что если он с того света увидит мою работу, то простит мне этот литературный грабеж для блага Наказ состоял из 20 глав, разделенных каждая на статьи или отдельные краткие положения. Таких статей в нем 526; 250 из них, по крайней мере, прямо взяты из «Духа законов». Екатерина не упоминает и другого философа-криминалиста, юрообращенного; карий, который только недавно, в 1764 г., издал свою книгу «О преступлении и наказании»; книга эта тогда уже была переведена на французский и немецкий языки и наделала много шума в Европе. Книга эта была протестом против средневекового права и всех его форм: она вооружалась против пытки и других судебных доказательств средневекового процесса, настаивая на необходимости взвешивать степень вменяемости,

Литера-
турные
источники
Наказа

правственного побуждения в преступлении и т. д.; Екатерина широкими рутиами воспользовалась и книгой Беккария. Самая обширная глава ее Наказа, 10-я, трактуя об уголовном праве или об обряде криминального суда и содержащая более 100 статей, почти вся заимствована из книги Беккария.

Процесс составления Наказа легко открывается из сличения его с его источниками. Читая «Дух законов» и «О преступлении и наказании», Екатерина отмечала карандашом наиболее резко афористически формулированные положения их авторов; потом, приведя эти места в некоторый порядок, она их излагала или в дословном переводе или в некоторой парафразе, с некоторыми изменениями и изредка вставляла свою статью, свою строчку, даже свое одиночное слово. Так и составился Наказ. Екатерина в письмах с лодьями, от которых нельзя было скрыть такого авторства, открыто призналась в нем. Так, послав экземпляр Наказа Фридриху II, своему политическому союзнику, она пишет: «Вы увидите, что я здесь, как ворона в басне, пародилась в павлиньи перья, в этом сочинении мне принадлежит только расположение материала да разве кое-где одна строчка, одно слово». Она самадумала, что всего оритинильного, ее написанного, «не наберется в Наказе и двух листов». Вот почему странно, что Екатерина впоследствии перевела Наказ на разные языки и в отлично перефразированных экземплярах любила дарить знатным путешественникам, привезавшим из Франции, Германии и других стран. Какое название могли извлечь из Наказа эти люди, давно читавшие подлинники?

Содержание Наказа очень разнообразно и обнимает почти все стороны законодательства. В 20 главах его мы читаем о естественном положении государства, об образе правления, об учреждениях, о судопроизводстве, об общественных классах, о размножении народа, о торговле и ремеслах, о воспитании, о порядке наследования, о составлении и слоге законодательства, т. е. о правилах колонизации, и, наконец, о разных статьях, требующих особенного изложения, как-то: о преступлениях в оскорблении величества, о чрезвычайных сущ-

Содержа-
ние
Наказа

дак, учрежденных особо для известных преступлений о веротерпимости и, наконец, изложение ответа на вопрос, как можно узнать, что государство приближается к падению и к конечному разрушению.

После, в 1768 г., к 20 главам Наказа приведены были две новые — о полиции и о государственном хозяйстве. Таково содержание Наказа в общих чертах. Изложено оно, как я сказал, афористически, отдельными и краткими статьями. Наказ построен на довольно тщательном силогизме. Во вступлении мы делаем друг другу добро. Желание каждого человека — видеть свое отечество на высшей степени благополучия, а своих сограждан под охраной закона; чтобы скорее осуществить это общее желание, надо войти в естественное положение сего государства, потому что наиболее естественные законы это те, которые наиболее соответствуют расположению народа, для которого они составлены.

Законы должны быть основаны на условиях народной жизни. В первых двух главах изложены условия жизни русского народа; этих условий, впрочем, указано только два: 1) Россия есть европейский, впрочем, управляющий самодержавной властью. Что Россия есть европейская держава, казывается тем, что успех Петра в введении европейских обычая и правов объясняется несоответствием древнерусских обычая и правов с климатом страны. Древнерусские обычай и права принесены к нам смешением разных народов и завоеванием разных областей; значит, древнерусские права были неестественные, искусственно созданные. Вот почему Петр, вводя обычай и права европейские, написал такое улобство, какого и сам не ожидал.

Необходимость для Руси самодержавного образа правления доказывается, во-первых, тем, что лучше повиноваться одному господину, нежели угоаждать многим, и, во-вторых, тем, что государство это по самой обширности пространства своего предполагает необходимость самодержавной власти. Надлежит, чтобы дела решались настолько скорее, насколько медленно теч-

дут они к центру по обширным расстояниям государства. Значит, предполагаемая самодержавная власть есть условие наиболее быстрого решения дел. Разбирая этот ряд мыслей, легко извлечь из него следующий силогизм: законы для каждого народа должны соответствовать его положению; Россия по своему положению есть государство Европы, следовательно, законы, предназначенные для русского народа, должны иметь общеевропейские основы. Эти основы и предлагаются в Наказе в виде идей, извлеченных из западноевропейской литературы, которые были последним словом западноевропейской политической мысли. Как вы видите, силогизм с логической стороны построен довольно искусно. В Комиссии для составления проекта Уложения могло возникнуть такое недоумение: нас создали составить русский кодекс, а в руководство предлагают Монгольскую и Беккарцию; зачем это? Наказ отвечает: ваши законы должны соответствовать вашему положению; вы по своему положению — европейский народ, следовательно, ваши законы должны быть основаны на тех же началах, какие лежат в основании западноевропейских. Но, величайшая искусности в логическом построении, основная мысль Наказа грешит одной исторической ошибкой. Совершенно верно, что русское законодательство в то время должно было развивать начала общеевропейского права, которое есть, между прочим, и право христианское, но то право, которое развивалось в книгах Монгольской и Беккарции, не лежало еще в основе ни одного закона европейского законодательства. То был законодательный идеал, а не законодательный факт, его еще нужно было путем долгой борьбы вводить в европейское право; таким же образом в основу русского права мог лечь тот идеал, который не лежал в основе ни одного западноевропейского права и мог лечь потому, что русский народ есть народ европейский? Эта историческая ошибка, которая замечается в строении Наказа, и определила значение этого памятника в истории нашего законодательства.

Далее, Наказ независимо от этой исторической поправки был неудобен как руководство в двух отно-

состоит из афоризмов, вырванных из разных мест упомянутых книг; между этими афоризмами разорвалась та связь, с какой отвлеченные мысли стояли в подлиннике. Отсюда темнота Наказа, трудность его усвоения, бессвязность мыслей, поставленных рядом. Мы не говорим об изложении Наказа, тяжелом, не всегда точно передаваем подлинник, хотя, конечно, опытная рука Копицкого или другого литератора того времени, без сомнения, пропллась по тому тексту, который мы читаем.

Второе неудобство Наказа заключалось в его «аксессах». Несмотря на общие места законодательства, мы встречаем в Наказе ряд мыслей, которые должны были поразить высшее русское общество, особенно правительственные лица, своим радикализмом. Так, например, Екатерина предоставляет подчиненным учреждениям право делать возражения на указы временные, темные или неисполнимые. В Наказе встречаются выражения понятий, какие, пожалуй, редко приходили в умы правительенных людей того времени. § 34 — «Рыбнество всех граждан состоит в том, чтобы все подвергены были тем же законам». И немного ниже: § 38 — «Вольность (государственная) есть право все то делать, что законы дозволяют». Екатерина резко говорит против естественному рассуждению, само человечество вопиет против оных и требует, чтобы она была вовсе упразднена. Находим резкое суждение о чрезмерной тяжести государственных податей: § 275 — «Страна, которая побием своим люди с великим нуклом могут найти себе пропитание, через долгое время должна обнажена быть жителям». 11-я глава состоит из статей, направленных против злоупотреблений и даже против самых оснований крепостного права. Так в Наказе русские читатели должны были воочию увидеть за высочайшую подписью мысли, которые они до того боялись сказать вслух. В статье об оскорблении величества читаем, что слова сами по себе не преступление: «все превращает и опровергает, кто делает из слов преступление, смертной казни достойное» (§ 480). В Наказе резко было заявлено о необходимости веротерпимости (§ 496): «Если

нене человеческие умы раздражают, а дозволение перить по своему закону умягчает и самые жестоковыяные середи». Все это было ново и подчас резко. Первонаучальный Наказ погиб, уцелели только черновые отрывки, стихая, которые с печатным текстом, находим, что в последнем сделаны были большие опущения. Например, уцелели отрывки, относящиеся к 11-й главе о крепостных крестьянах. Узнаем, что Екатерина настаивала на необходимости учредить особый крестьянский суд, предоставить крестьянам возможность выкупаться на волю, на необходимости точно определить суммы выкупа и т. п. Все это было выпущено. Кем? Остается в Наказе еще одна черта — это его неясность. Сама Екатерина сознавала этот недостаток и в конце Наказа написала (§ 528): «Может случиться, что некоторые, прочитав сей Наказ, скажут: не всяк его поймет! На сие не трудно ответствовать: подлинно, не всяк его поймет», читав сей Наказ, скажут: не всяк его поймет, Екатерина сознавала этот недостаток и в конце Наказа, если с прилежанием и при встречающихся случаях выберет из оного то, что ему в рассуждении его правил служить может. Она советует читать его внимательно и чисто, но и это не устраивает все-таки неясностей, происходящих от разных причин, прежде всего от самой афористичности Наказа. Среди политических афоризмов иногда бывает трудно восстановить внутреннюю логическую связь. Дильше, в этих афоризмах Екатерина должна была бороться с политической и юридической терминологией, с недостатками русского лексикона, поэтому создавала новые слова и обороты, необычные написанию языку. Затем можем заметить, что в Наказе Екатерина в первый раз встретилась с понятиями, недостаточно ею обдуманными. Вот почему заметны колебания в самых основных положениях, которые по самому характеру своему требовали особенной точности. Можно привести как образец такой неясности статьи о государственной свободе или вольности. В трех статьях встречаются три разных определения этого понятия. В первом случае вольность объясняется так: «В. государство, т. е. в събории людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хо-

теть, и что не быть принуждены делать то, чего хадеть не должно», — так определено понятие в 37-й статье; в 38-й читаем: «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют, а в 39-й истрачаем еще третье определение: «Государственная вольность в гражданстве есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всякий из них собственно наслаждается безопасностью». Итак, вольность есть и право и чисто психологический момент.

Прочитав за выдающееся подпись ряд таких смелых идей, как должен был поступить депутат, приехавший из какого-нибудь отдаленного города, в какие точные законодательные формулы мог он облечь эти мысли,шедшие в разрез не только с его понятиями, но и со всеми государственными и политическими стремлениями России? Очевидно, нужно было много подготовительных усилий над русскими умами, чтобы эти мысли можно было облечь в законы. Вот почему, вероятно, депутаты при чтении каждой статьи поднимали жаркие прения и выбивали более половины того, что прочитали. Даже либеральный Никита Панин поклонник аристократической шведской конституции, прочитав Наказ, шутливо заметил Екатерине: «Эти аксиомы способны оторвать стены». Чтобы оценить значение Наказа в истории нашего законодательства, т. е. его значение не как памятника права, а как памятника литературы, это надобно изучить в связи с деятельностью той Комиссии, которой он для был в руководстве.

ЛЕКЦИЯ LXXIX

Комиссия для составления проекта нового уложения. — Состав комиссии. — Кодификационные работы до Екатерины II. — Деятельность Комиссии 1767 года. — Неудача работ Комиссии. — Значение ее работ. — Значение Наказа.

Еще в 1700 г. была составлена из людей высших чинов и нескольких львиков комиссия для пересмотра и дополнения Уложения 1649 г. С тех пор над этим делом безуспешно работал ряд комиссий. Они составлялись из высших чиновников, к которым присоединялись иногда наложенные правительством эксперты, «добрые и заслуженные люди», иногда выборные представители людей из губерний. В таком составе кодификационных комиссий складалось смутное воспоминание о том, как при участии Земских соборов составлены были важнейшие законодательные своды древней Руси — Судебник 1550 г. и Уложение 1649 года. Составом этих же комиссий указана была форма и того собрания, которое привало было для такого же кодификационного дела при Екатерине II.

Сознав необходимость привести в порядок русское законодательство и начертав руководство для этой работы, Екатерина издала манифест, которым созывалась в Москву Комиссия, должностная составляла составить проект нового уложения; манифест был помечен 14 декабря 1766 г. Комиссия должна была собраться в Москве летом следующего года. Эта Комиссия о составлении про-

екта нового Уложения взывала в свое время большой шум как в Европе, так и у нас в России. Оней много говорили, еще большего от нее ждали. Далекий отзыв этих толков можно услышать и теперь; и теперь Комиссия 1767 г. остается едва ли не самой яркой точкой в нашей политической истории XVIII в., едва ли не самым пышным событием царствования Екатерины. Вот почему, думаю я, событие это заслуживает более внимательного изучения сравнительно с другими явлениями времени.

Состав Комиссии был чрезвычайно сложен: она состояла из депутатов от правительственныех учреждений, от солдатий и городов, даже от племен, заселявших Россию. В Комиссию должно было явиться по одному депутату от правительственныйого Сената, от святейшего Синода и от центральных коллегий и канцелярий; областные учреждения не были представлены в Комиссии. Далее, солдаты должны были послать в Комиссию своих депутатов; именно: дворянство от каждого уезда по одному, города также по одному. По тогдашнему областному делению губерния — большой округ — подразделялась на провинции, соответствующие вообще нашим современным губерниям, а провинции разделялись на уезды, также соответствующие нашим уездам. Следственно, губерния того времени похожа была на генерал-губернаторство. От каждой провинции посыпали депутаты государственные или черносотенные крестьяне, жившие не на частновладельческой, а на государственной земле, однодворцы и разные мелкие служилые землевладельцы, пахотные солдаты, испомещенные давно уже на южной и части западной окраине государства. Это — остатки старинных мелких помещиков, которые густыми массами испомещены были на границах для их обороны. Они теперь, — эти однодворцы, пахотные солдаты и разные разряды лиц, вслых пограничную миллионную службу, — составляли переходный класс между податными крестьянами и дворянами. Они несли подушную подать вместе с крестьянами, но вместе с дворянами пользовались правом личного землевладения и правом владеть крепостными. Наконец, каждое иногородческое племя, какой бы религии оно ни было, только обедное, не кочевое, посыпало по депутату от каждой

Состав Комиссии

провинции, в которой оно жило. Так, например, червленцы, рассеянные по провинциям Казанской и Нижегородской, посыпали по одному депутату от каждой из этих провинций; число депутатов от казаков донских и киевских не было определено, это число, кде и порядок их выбора, предоставлено было определить их гайдукам их командирам-атаманам.

Чтобы понять устройство представительства от общественных классов, надобно припомнить областное управление, созданное Петром. вся империя делилась на несколько крупных губерний, которых в начале царствования Екатерины было 20; губернии делились на провинции, соответствовавшие в большинстве наименним губерниям, а провинции подразделялись из уезды. Отсюда и депутаты выбирались либо по уездам либо по провинциям. Различие между теми и другими выборами заключалось в том, что первые были прямые, а вторые — сложные, многоступенчатые. Дворяне каждого уезда, собиравшись под руководством выбранного для того предводителя, прямо выбирали депутатов в Комиссию; башкиры, черносотенные крестьяне каждого погоста (сельского прихода) собирались и выбирали сначала погостового поверенного; эти погостовые поверенные съезжались в уездном городе и выбирали поверенного от уезда, после чего все уездные поверенные, съехавшие в провинциальном городе, выбирали из своей среды провинциального депутата в Комиссию.

Таким образом, представительство в Комиссии построено было на очень разнообразных основаниях. Это не было представительство солдатское: как мы видели, в ней присутствовали и депутаты от высших центральных учреждений; представлены были также места жительства, а не общественные классы; так, каждая город посыпал по депутату; депутаты эти выбирались всеми городскими обывателями, но это не были депутаты среднего городского или купеческого сословия, або в городах наших домовладельцами бываю люди разных классов. Значит, городской депутат представлял не класс, а местожительство. Наконец, и племенное деление Руси легло в основание представительства в Комиссии; депутаты пришли и от разных соседних ино-

родов, входивших в состав населения Российской империи без различия веры. Мы не знаем представительного собрания, в котором правительство было столь сложно. Учреждения, сословия, местожительства, пло-мена, род оружия (казачество не сословие, а род ору-жия) — это должно было сообщить комиссии необыкно-венно пестрый состав. Пестрота состава может навести на мысль, что, организуя выборы, правительство хотело дать голос всем элементам русских сословий. Однада-ва легко заметите, что несколько классов совсем не были представлены: имено, не было депутатов от двор-цовых крестьян, не было депутатов от крепостных кро-стян, далее, от крестьян даже не крепостных, а сво-бодных, так называемых экономических. Незадолго по-перед тем Екатерина завершила попытку мужа секуляри-зировать обширные церковные земли с поселенными на них крестьянами; в 1767 году секуляризация церковных недвижимых имуществ была уже окончена, однако эко-номические крестьяне не были представлены в Комис-сии. И еще более странной проблемой замечаем мы в ее со-ставе: мусульманские и языческие инородцы были пред-ставлены в комиссии, а православное духовенство нет: выборные депутаты от приходского духовенства не были призваны. Рассматриваая происхождение столь за-метного профекта в составе Комиссии, мы находим, что тогда руководствовались своим особым взглядом на на-родное представительство. По нашему мнению, каждый общественный элемент, имеющий значение в народной жизни, должен быть представлен голосами из его среды. Очевидно, тогда считали достоинным, если в Комиссии будут депутаты не от самого общественного элемента или класса, а от того учреждения, которое им управ-ляло. Вот почему экономические крестьяне не были при-заны в Комиссию: здесь присутствовал член от Кол-легии экономики. Вот почему не было представителей приходского духовенства: в Комиссии заседал член от священства Синода, управлявшего всем духовенством. Вот почему не было представителей дворцовых и гро-стистых крестьян: первых представляли депутаты от дворцового управления, вторых — помещик, ибо поме-щик заменял собой местное управление, был чиновни-

ком-управителем. Таким образом, количество голосов от общества имело второстепенное значение. Хотели не спросить мнения того или другого класса, хотели иметь просто, у которого можно было бы павести справку о том где другом классе.

Такое же второстепенное значение числа голосов де-путатов открытое мы и из разбора численных отноше-ний депутатов разных элементов. Раумеются, в составе общества важнейшее значение принадлежало дворянству; между тем, количество дворянских депутатов во-все по было самым большим в составе Комиссии. По пе-чатным спискам депутатов, изданным тогда же, всех депутатов от дворян было 30%, депутатов от городов — 39%. Огромное большинство депутатов от городов, разумеется, принадлежало к купеческому и мещанскому сословию, так как эти сословия составляли большин-ство городских домовладельцев. Значит, классы далеко не первостепенные, в Комиссии были представлены в большиим целом голосов, чем сословие господствовав-шее. Черносолийские крестьян вместе с однородцами в составе Комиссии было 14%; остальное число депута-тов принадлежало прочим элементам, привлеченным в со-став Комиссии, — племенам, депутатам от учреждений, которых всего было 30 человек. Таков был этот слож-ный, пестрый, долгий состав Комиссии. Депутаты являлись в Комиссию с наказами от своих избирателей, получали некоторые личные права (например, свободу от смертной казни, пытки, телесных наказаний, какие бы ни совершили преступления) и жалование от пра-вительства.

Теперь спросим, что это такое, на что это похоже из известных нам государственных учреждений? Над-зим вопросом думали повествователи рассказов о деят-ельности этой Комиссии, но разрешить его довольно трудно. Иные говорят, что это собрание похоже на представительное собрание западное, например, на го-неральные штаты Франции, если не на английский пар-ламент. Английский парламент — учреждение постоян-ное; таким собранием не была русская Комиссия 1767 г.,

го постоянным учреждением не были и генеральные штаты Франции, однако последние имеют очень мало общего с русской Комиссией 1767 г. Генеральные штаты Франции составлялись только из депутатов трех крупных политических корпораций, или сословий: духовенства, дворянства и третьего сословия. В нашей Комиссии, как вы видите, представлены были далеко не одни сословия, но и учреждения, и места жительства, и пломена, и даже некоторые части вооруженных сил страны — казаки. Итак, наша Комиссия — не генеральное учреждение, а скрывалось за депутатом от учреждения — стало быть, это старинный московский Земский собор и Комиссия 1767 г., находим также мало сходства между ними. Древнерусский Земский собор был представительством чинов, а не сословий, т. е. он представлял собой те различные служилые разряды, на которые разделено было русское общество по роду государственного служения, по своему государственному посту — поганых. В древнем Земском соборе были представители от чинов: стольников, стряпчих, дворян московских, дворян провинциальных; все это — один служебный класс, разделенный на разные разряды, или чины, и каждый чин посыпал по одному или по несколько депутатов на Земский собор. Но на древнем Земском соборе не было представителей от учреждений. Правда, на Земском соборе являлись два учреждения, по целиком, в полном своем составе, а не в лице представителей; именно, на Земском соборе как руководящие силы являлись патриарх со своим дербенником, освященным собором, епископами, архимандритами и т. д., и Боярская дума с государем во главе. Оба учреждения являлись в полном составе. Но не было представителей от учреждений, например, приказов, соответствовавших коллегиям XVIII в. Далее, в Комиссии 1767 г. вовсе не представлены были чины, т. е. разные служилые разряды, на которые распадалось общество, потому что теперь уже не было и этих разрядов, а все русское общество стянуто было в несколько крупных сословий: дворянство, купечество с другими городскими классами, крестьяне и духовенство. Мы видим

дли, что кроме дворянства в Комиссии собственно не было представителей ни одного сословия, потому что было представлены представители города, а не сословия; купцы и мещане представляли города, а не сословия; депутаты от сельского населения представляли только депутаты от сельского населения представляемы только единой в составе крестьян, именно, крестьян чернодеревенщиков, духовенство как сословие вовсе не было представлено, а скрывалось за депутатом от учреждения — от Синода. Итак, Комиссия 1767 г. не была похожа на генеральные штаты Запада, ни на наши Земские соборы. Откуда же взялась столь пестрая форма? Прежде всего, а скрывалось за депутатом от учреждения — выработалась в той самой сфере государственной деятельности, которая послужила задачей Комиссии 1767 г., т. е. выработалась из истории нашей кодификации.

Работа над приведением в порядок русского законодательства начата была в царствование Петра, когда оказалось уже устаревшим старое Уложение царя Алексея 1649 г. Петр для приведения в порядок русских законов, изданных со времени Уложения, составил комиссию в 1700 г. Комиссия эта состояла из членов, назначенных правительством, именно из 12 членов Боярской думы, бояр, окольничих и думных дворян с думными дьяками; из 28 стольников, высшего слоя служилого класса, какой следовал за думными чинами, в армии это были полковники; двух московских дворян, стольчих, не провинциальных, и 6 простых дьяков, секретарей разных приказов. Эта комиссия не была представительным учреждением: здесь все были члены, назначенные правительством, а не выборные, но эти члены были либо чиновники, действовавшие в центральных учреждениях, либо люди из высших слоев общества, например, бояре, окольничие, стольники, дворяне московские, — это были высшие разряды русского дворянства. Комиссии этой поручено было собрать и привести в порядок изданные после Уложения указы и сличить их со шведским уложением, чтобы таким образом составить Уложение новое, более полное, чем Уложение 1649 г. Комиссия эта проработала все царствование Петра и ничего не сделала, несмотря на строгие предписания государя.

Работа оказалась не под силу этому 48-членному собранию. Но она продолжалась после Петра; эта кодификационная комиссия даже начала получать новый состав. Так, при Екатерине I комиссия эта была составлена из сенатских обер-секретарей, к которым, однако, решили присоединить представителей общества, только не выборных, а назначенных Сенатом, а именно: обер-секретари должны были выработать черновой проект уложения, а для окончательного редактирования его велено было Сенату назначить по две «персоны» из духовных и гражданских людей и от магистрата, т. е. главного городового учреждения, действовавшего в Петербурге и руководившего магистратами всех других городов. При Петре II представительство общества было расширено; велено было для окончательной выработки этого уложения пригласить депутатов из офицеров и депутатов от дворянства каждой провинции по выбору сословия, в количестве пяти человек от каждой провинции, «людей добрых и знающих», как гласил указ. Когда эти добрые и знающие представители дворянства явились в Петербург, здесь увидели, что они никуда не годятся: то были все оставленные старые иувечные дворяне, служившие в полках и вышедшие за Петербург в отставку. Местное дворянство, падая свои силы, послало этих инвалидов законодательствовать. Предписано было выслать новых по два от провинции, но уже «людей добрых и знающих». Когда вступила на престол императрица Анна, эти депутаты были вызваны в Петербург, но они из помогли делу. Вызванные из дворянской среды «две персоны добрые и знающие» не знали, что делать, ибо в первый раз им представился вопрос о русском законодательстве; они служили, пока не законодательствовали и не подицировали. От парламента Елизаветы порядок ведения дела изменился, напали, что представители от общества ни в чём не помогут чиновникам, которым поручены работы. Тогда решили расширить комиссию чиновников, именно составить ее из представителей разных учреждений, заложив различные правительственные должности. Потом велено было по вопросам, касающимся Коллегий вести-пти и юстиции, приглашать в присутствие эти Колле-

гии в полном составе. Значит, соединенная работа представителей канцелярии и общества, оказавшаяся неудачной, теперь заменена была работой более однобрановой комиссии, состоявшей из знатоков правительства дела, из представителей разных администраций ведомств. Только по окончании работ для внесения нового уложения велено было привозить депутатов от дворянства и купечества. Эти депутаты и пугаты от Елизавете, но не успели дослушать были созваны при Елизавете, но не было приготовлено. Так плю дело кодификации русских законов с начала XVIII века, лучше сказать, с последнего года XVII столетия и до царствования Екатерины. Очевидно, правительство пробовало разные средства для успешного окончания дела, сообщая различный состав работавшей над ним комиссии; легко видеть эти формы, оли были или простые или смешанные. Сначала надеялись достичнуть дела с помощью смешанной комиссии; затем сообщили комиссии более однобразный состав, какой она имела при Петре, т. е. составили ее из одних представителей учреждений.

Эта форма кодификационной комиссии, развиваясь в продолжение половины столетия, и послужила руководством правительству Екатерины II при составлении Комиссии 1767 г. Эта Комиссия отличалась дворянством состава, она состояла из представителей учреждений и из представителей разных классов общества, но не сословий, а либо городских обществ либо племен, которые по своим этнографическим особенностям составляли особые классы населения, но не племен в целом их составе, а разрезанных по провинциям. Итак, форма екатерининской Комиссии 1767 г. по составу не была заимствована ни из-за границы, ни из русской политической истории. Она была составлена по образцу кодификационной комиссии, действовавшей с Петра и до Екатерины.

Для чего собственно создана была Комиссия? Манифест гласил, что депутаты призываются заявить нужды и желания населения; по к этому было прибавлено, что они будут допущены и в комиссию, которой поручено составить проект нового уложения. Из этого неясного

выражения видно, что депутаты не только имели быть приглашеными в Комиссию, но и составляли ее. Комиссии указана была двойная цель: занять нужды и желания населения и потом принять участие в кодификационной работе, в составлении уложения. Но парадокс не указывал точно взаимного отношения этих задач, не говорил, которая из них главная и которая второстепенная, и одинаково ли обязательны для Комиссии обе поставленные ей цели. Комиссия получила чрезвычайно сложное устройство, соответствовавшее ее постному составу; она была разделена на множество частных комиссий. Эти комиссии были двух родов: одни распорядительные, а другие собственно законодательные или, как бы сказать лучше, кодификационные. Распорядительные комиссии должны были руководить действием общего собрания и его частей; законодательные или кодификационные, вырабатывали части уложения. Распорядительными комиссиями были дирекции ная, экспедиции и подготовительная. Дирекционная комиссия собственно направляла кодификацию одну рабству; она предела о съезму собранию составить ту или другую частную комиссию для выработки какой-нибудь части уложения, для чего общее собрание по предложению дирекционной комиссии выбирало из своей среды по пяти членов; далее, дирекционная комиссия направляла деятельность этих частных комиссий, просматривала составленные ими проекты частей уложения, смотрела, нет ли в этих проектах противоречия, согласия с Наказом; далее, директивные проекты вносили на обсуждение общего собрания. Экспедиционную комиссию мы называли бы лучше редакционной; она должна была устраниТЬ в проекте места «неудобовразумительные» и выражения двусмысленные; обязанность ее состояла в просмотре выработанного проекта со стороны слога и языка. Подготовительная комиссия имела другую задачу. Каждый депутат являлся в Комиссию с наказом от своих избирателей; в этих наказах избиратели должны были изложить свои нужды и желания. Это нечто вроде *sauers* французских депутатов собрания 1789 г. Подготовительная комиссия должна была рассмотреть эти наказы,

из них извлечения и извлечения эти передать в общее собрание как руководство для работ. Значит, она должна была выработать свод депутатских наказов. Для выработки разных частей уложения образовано было 16 частных комиссий по разным отраслям законодательства. Задачи некоторых комиссий касались очень специальных частей уложения; так, например, была образована комиссия «о разборе родов государственных жителей» (о сословиях по наимену), по рядом с ней действовала комиссия «о среднем роде» людей, т. е. о среднем сословии. Первая должна была выработать проект положений обо всех сословиях в России, второй — специальный проект уложения о среднем или городском сословии. Точно так же существовала частная комиссия, которая должна была выработать торговый устав. Но рядом с этим было несколько частных комиссий, разрабатывавших специальные отрасли народного хозяйства, например, комиссия «о рудокопании», или горном деле; комиссия о размножении народ, земледелии, домостроительстве и пр., комиссия об орошении и сбережении лесов. Благодаря этой добroвой организации Комиссии в ней установилось сложное и, следовательно, очень медленное делопроизводство. Каждый вопрос предварительно обсуждался в общем собрании; затем для его разработки формировалась особая частная комиссия; эта комиссия, получив указания от дирекционной, вырабатывала проект возложенный на нее части уложения. Выработанный проект дирекционная комиссия проверяла, а иногда возвращала в комиссию. Рассмотрев и проверив проект с законодательной стороны, дирекционная комиссия передавала его в экспедиционную для выправки изложений, для приведения проекта в приличный внешний вид; сделав свое дело, экспедиционная комиссия возвращала проект в дирекционную, которая уже вносила его в общее собрание, а последнее рассматривало и «дебатировало его» рядом прений. Столько ступеней, иногда повторительных, должен был проходить в своей разработке каждый законодательный вопрос. Этим объясняется необыкновенная медленность, с какой вела Комиссия свои работы. Я передам в кратком очерке ход этой работы.

Ход за-
нятий по
миссии

Комиссия созвана была на 30 июля 1767 г. в Грановитой палате. Первые восемь заседаний посвящены были предварительным работам: прежде всего читался Наказ. Комиссия открылась при несколько возбужденном составе правительства и общества. Это понятно: совершилось на Руси небывалое дело — встретились в одной работе люди, которые ни в чем и никогда не встречались более. Это возбужденное настроение выражалось и в ходе первых занятий Комиссии. Наказ был выслушан с неописанным восхищением; это настроение усилилось, когда прочли 55ю статью, которая гласила: «все сие не может понравиться ласкательям, которые по всем дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены, однако мы думаем, и за славу вменяем сказать, что мы сотворены для народа, ибо более сохрани, чтобы после окончания своего законодательства был какой народ более справедлив и следовательно более просвещен; намерение законодательства было бы не исполнено...»

Затем Комиссия начала устраиваться; набрала марша, или предводителя Комиссии, президента. В числе выставленных кандидатов оказался граф Григорий Орлов, но он отклонил от себя избрание. Утвержден был в качестве маршала представитель костромского дворянства Алексей Иванович Бибиков, впоследствии действовавший при усмирении Пугачева. Затем стали читать наказы депутатов и начали с наказов крестьянских — государственных черносотных крестьян. Первым был читан наказ от крестьян каргопольских; этот наказ вызвал 24 речи со стороны дворянских депутатов, речи эти произносились в трех заседаниях. В продолжение 14 заседаний прочитали беспечительное количество наказов, именно 12; всех наказов было слишком много. Не докончив чтение наказов, Комиссия занялась разборкой вопроса о правах высшего сословия — дворян. Начали читать изданные прежде законы о дворянстве; эти разновременные законы оказались очень запутанными, непонятными. Не докончив их чтения и обривовъ членную комиссию «о разборе родов государственных жителей», которой передан был

вопрос о превращении, пренеприяте к чтению законы о купечестве. Обсуждение прав дворянства заняло 10 заседаний, чтение закона о купечестве — 37 заседаний. Не кончив чтения изданных законов о купечестве, перешли к чтению привилегий эстляндских, лифляндских, вообще остзейских провинций; впрочем, по временам возвращались к обсуждению и прав купечества, хотя маршал и заявил, что прения по этому предмету уже кончины.

Так продолжались работы в Москве до конца года. Затем Комиссия переплыла в Петербург и открыла здесь свои занятия 18 февраля 1768 г. В продолжение полутора месяцев читались старые законы о юстиции, о судопроизводстве; не кончили чтения законов о юстиции и воротились к обсуждению прав дворянства, так как в это время частная комиссия «о разборе родов государственных жителей» внесла проект «прав благородных». Не кончили обсуждения этого проекта и перешли к обсуждению изданных законов о дворянском землевладении, о вотчинах и поместьях. Это было предметом последующих заседаний комиссии. 17 декабря 1768 г. по случаю открывшейся первой войны с Турцией общее собрание Комиссии было закрыто на определенное время; заседания уже и не возобновлялись. В начале 1769 года многие депутаты должны были ехать в полки, где они служили. Но по прекращении заседаний общего собрания остались некоторые частные комиссии, которые и продолжали свои работы до 1774 г. Так кончилась деятельность этого собрания. Комиссия работала 1½ года и имела 203 заседания.

Возложенная на Комиссию задача не была исполнена: она же составила проекта нового уложения, она даже окончательно не выработала и не обсудила ни одного частного проекта, который касался бы той или другой отрасли законодательства, который мог бы послужить готовой главой в составе будущего уложения. Отчего произошла эта неудача? Она объясняется различными причинами. Прежде всего, самым составом Комиссии. Комиссия состояла из 564 депутатов. Ничтожда таким многочисленным собранием не выраба-

тыались проекты уложения, требующие технической подготовки, юридического знания, известного кодификационного умения, не говоря уже о знакомстве с действующим законодательством. Огромное большинство Комиссии состояло из людей, не имевших ни подготовки, ни этих знаний; притом, что это за пестрый люд собрался в Комиссию! Мы не можем себе представить собрания более пестрого; в наше время такого собрания даже не бывает в частном облигетии, такое собрание не может состояться даже для частных увеселений. В самом деле, рядом с его сиятельством графом Григорием Григорьевичем Орловым сидел какой-нибудь крестьянин, депутат черносотных крестьян Каргопольского уезда. Как они могли сойтись в совокупной дружной деятельности? Рядом с его высокопреосвященством, депутатом от Синода, митрополитом Новгородским п. Санктпетербургским Дмитрием сидел мулла Мансур Ибрагим, депутат от казанских татар, который должен был основываться на книгах Монtesкье и Беккария. Здесь являлись представителями люди, стоявшие на самом пику европейской культуры, с уровнем, ниже которого не стояли люди нигде в Европе, а новое русское законодательство должно было создаться из вершине западноевропейской мысли, столь недостигаемой, что ни одно из действовавших законодательств Западной Европы не могло и помышлять об этом уровне. Итак, состав Комиссии был слишком пестр, чтобы люди, которые должны были составить законодательную работу, могли сойтись в своих попытках, нуждах и желаниях.

Далее, причиной неуспеха была и самая задача, возложенная на Комиссию, так как это была задача двойственная, а действительность задачи в таком виде всегда бывает условием неуспеха. Комиссия должна была выражать нужды и желания населения и в то же время исполнить трудную законодательную работу — составить проект уложения. Чем она должна была руководствоваться в этой работе? Ей указано было три основания: 1) она должна была руководиться Наказом императрицы, напечатанным самим последним мысли западноевропейской политической литературы; 2) она дол-

жала руководиться действующим русским законодательством, которого большинство членов Комиссии не знало; 3) она должна была руководиться в работе нуждами и желаниями населения. Так депутаты попадали между трех огней, должны были вращаться в кругу идей и стремлений троекратного рода, которых никак нельзя было примирить, даже прилизить одни к другим. Наказ равнялся один порядок законодательных идей, действующее русское законодательство представляло другой порядок, а нужды и желания населения — третий, несогласный с двумя первыми. Значит, законодательство, Уложение, основанное на Наказе, было бы несогласно ни с действующим русским законодательством, ни, может быть, с нуждами и желаниями населения; проект, составленный на основании действующего русского законодательства, не был бы согласен с Наказом и нуждами населения, а проект, построенный по последнему основанию, не был бы согласен ни с первым, ни со вторым основанием. По самому существу задачи, она была неисполнима, и в ходе прений депутатов до очевидности выразилась эта неисполнимость.

Я не буду передавать хода этих прений, большая часть их напечатана. Пока не были изданы бумаги Комиссии, в них подозревали чудеса, надеялись найти в них полную картину политического, общественного и экономического быта России, встретить полное выражение нужд и желаний населения, следовательно, защищать в самые умы депутатов. Теперь эти бумаги являются и уже изданы в значительном количестве. Были произнесены лоббистские речи, особенно депутатами ярославского дворянства Щербино и некоторыми депутатами от дворян, говорившими о положении крестьян. Некоторые речи живо затронули правительство и укололи императрицу. Но в этих прениях выражалась не склонность того, что тогда называли нуждами и желаниями населения, и особенно вся непримиримость с Наказом. Наказ провоцировал принцип равенства; Комиссии, которая должна была согласовать с Наказом, дворяне требовали расширения крепостного права, купечество потребовало себе: 1) дворянской привилегии владеть крепостными и 2) носить шлагу на

патриотическом бедре. Одним словом, разные классы легко разнились в своих нуждах и желаниях; в время как одни требовали расхищения крепостного права, представители провинциального дворянства даже некоторые депутаты учреждений заявили о невозможном положении крестьян и о необходимости законов, которые определили бы точно их отношения к господам. Таким образом, по существу задачи, указанной комиссии, последняя не могла завершить учрежденной ей работы.

Затруднения, представившиеся Комиссии, увеличились неясностью отношений ее к Наказу императрицы. Депутаты, которые после первого прочтения Наказа должны были повторять его чтение каждый месяц никак не могли уяснить себе, что значит для них Наказ: есть ли это обязательный руководящий закон или что-нибудь другое, например, частный совет депутатам. Сама императрица определила это отношение совершенно ясно; она в одной из своих записок замечает: «Я запретила на опыт никак взирать, как единственно он есть, т. е. правило, на котором основать можно мнение и для того по делам не выписывать, яко закон, но мнение основать на нем позволяю». Итак, повидимому, Наказ излагал лишь основание, за которое могли держаться мнения депутатов, но Наказ не имел обязательной силы. Однако директивная комиссия взвешала обратно те проекты, в которых замечалось несогласие с Наказом; следовательно, Наказ имел в действии производство Комиссии обязательную силу. Благодаря тому Наказ, волновавший депутатов, лишил их самообладания, только затруднял и спутывал работу Комиссии. Вот главная причина, почему не удалось эта работа и невозможно было ожидать успешного окончания. Небольшого запаса практической опыта достаточно было, чтобы видеть эту неисполнимость 60 слишком лет правительство работало над выработкой нового проекта уложения, поручая это дело обер-секретарям и другим опытным «переонам», и работа не удавалась, а пестрое общество, созданное из разных копцов России в Грановитую палату, разных вер, понятий, национальностей, с разными чувствами и интересами.

Однако работы Комиссии не пропали даром, не остались совершенно бесплодны. Некоторые части законодательства были подготовлены, по крайней мере, вчерне и постужили основанием изданных потом Екатериной законов. Так, мы увидим, что областное управление, как оно устроено было Екатериной, и губернские учреждения 1774 г. в значительной степени основаны были на работах комиссии. Далее, изданное потом городовое положение, как и дворянская грамота 1785 г. суть лишь переделка проектов, выработанных частными комиссиями о среднем роде людей и о дворянстве.

Итак, Комиссия не пропала бесплодно в развитии нашего законодательства; она не выработала полного уложения, но работы ее послужили основанием некоторых законов. Кроме того, она имеет большое историческое значение; бумаги Комиссии, речи, в ней произнесенные, мнения, поданные разными депутатами, хотя и не оправдали слишком напряженного ожидания, остаются любопытным материалом для характеристики политического настроения русского общества, разных его классов. Притом Комиссия дала большой запас познаний уроков Екатерине. Перед Екатериной явились представители всех частей русского общества, и они еще более, чем во время своего путешествия, могли убедиться в нуждах и желаниях своего народа, а также и в его свойствах и в том, какой это удобный материал для управления. Как бы кто не смотрел на достигнутые результаты, надо признаться, что это была более всероссийская этнографическая выставка, член законодательной комиссии.

Деятельность комиссии определяется и значение ее работ Государственной комиссии для составления нового уложения, а также и в его свойствах и в том, какой это удобный материал для управления. Как бы кто не смотрел на достигнутые результаты, надо признаться, что это была более всероссийская этнографическая выставка, член законодательной комиссии.

Значение работ Государственной комиссии для составления нового уложения, а также и в его свойствах и в том, какой это удобный материал для управления. Как бы кто не смотрел на достигнутые результаты, надо признаться, что это была более всероссийская этнографическая выставка, член законодательной комиссии.

когдаство ряд мыслей, заимствованных из книг. Значит, указанный софиям был средством, с помощью которого Екатерина выходила из великого затруднения, в какое она становилась перед лицом Комиссии. Наказ был политической исповедью Екатерины; она сама писала, что она здесь «все сказала», и больше во всю свою жизнь ничего не сказала. Наказ исполнен тех общих мыслей, которые тогда пустили в оборот французской политической литературой. Мы видели, что некоторые мысли не лишены были резкости радикализма. Но Наказ имеет очень скромное значение и в нашей литературе, и в нашем законодательстве: как памятник литературы он есть первая из русских компиляций, срывавших верхушки западноевропейской цивилизации, снимавших пенки с западноевропейской мысли. Он завел дурную привычку, от которой мы не можем вылечиться, — привычку на каждый жгучий вопрос, поставленный русской действительностью, искать готового ответа, выработанного чужими мыслями. Вместо того чтобы на вопрос о законах дать ответ из истории русского законодательства, вместо этого был дан ответ, заимствованный из книг, которые нигде не действовали и начиная которых нигде не были испытаны даже на Западе. Наказ мог бы иметь некоторое воспитательное значение как памятник литературы, но вскоре после составления Наказа приняты были меры, которые приостановили его распространение в обществе, отложив до более благоприятного времени создание кодекса. Чтобы любопытные чиновники не могли читать его, Сенат приказал в канцеляриях и комиссиях держать Наказ под замком. Еще скромнее значение Наказа в ходе нашего законодательства. Наказ был призван запретным плодом: запретительству Наказ не дал ничего нового. Вот почему Наказ есть не-исторический, а патологический момент в истории нашего законодательства; то, что было сделано законодательством Екатерины, было разбитием не идей Наказа, а фактов жизни; словом, Наказ есть не факт в истории нашего законодательства, а черта из биографии Екатерины. Он выразил собою раз почувствованное верхнюю властью сознание негодности порядка и необходимости его исправления.

Губернские учреждения 1775 г. Органы внутреннего управления Екатерины II. — Реформа областного управления. — Разделение России на губернии. — Губернские учреждения администрации и финансовые. — Судебные учреждения. — Основание начала губернских учреждений. — Дворянство в областном управлении. — Корпоративное устройство дворянства. — Городское самоуправление.

ЛЕКЦИЯ LXXX

Комиссия 1777 г. не исполнила дела, для которого была создана. Мы видели, что она и не могла исполнить этого дела по своему составу и по самому существу возложенному на него работы. Но она не прошла бесполным и бесследным явлением в истории нашего государства. Она дала некоторый материал и даже указала частью направление преобразовательной деятельности Екатерины; благодаря ей вскрылись нужды и желания населения, потребности времени, средства, какими правительство располагало для удовлетворения этих потребностей. Такое значение Комиссии понимала и сама Екатерина. В одной из ее записок, написанной по распуску Комиссии, мы читаем: «Комиссия эта подала нам свет и сведения о том, с кем дело имеем и о ком придется держаться». Практическое применение победений, какие собрала Екатерина, и тех полечений, такие она считала обязанностью для себя, мы находим в обнародованных ею губернских учреждениях 1776 г. Это очень важный памятник в истории русского государственного устройства и потому заслуживает вни-

матального разбора. Чтобы понять значение перемен, внесенных Екатериной в областное управление, надо припомнить некоторые явления в истории русского государственного устройства прежнего времени; надо прежде всего припомнить, какую администрацию наследовал Петр от своих предшественников и как он ее перстроил.

Государственное управление, какое досталось Петру от старого Московского государства, отличалось довольно своеобразным характером. По свойству деятельности, по своим отношениям к верховной власти и к управляемому обществу, московская администрация была бюрократической, т. е. ее орудия действовали как назначенные правительством чиновники без участия общества или с участием очень слабым. Это было приказно-канцелярское управление, не земское, но по лицему составу правительственные учреждения это управление было сословное. Чиновники, действовавшие в учреждениях по назначению правительства, не были разночинцами, служащими людьми: они все выходили из одного класса, именно служилого, который мы можем назвать дворянством. В этих учреждениях попадались и люди других классов: из купечества, попав в эти учреждения, они становились служилыми людьми, получали значение и права дворян. Так, старая Московская администрация по характеру своей деятельности была бюрократической, а по происхождению ее личного состава — сословной, аристократической; поэтому ее можно назвать сословно-бюрократической.

Такой дробленный ее характер изменился при Петре. Перемена состояла в том, что Петр разделил прежде слитые ее свойства, сословный и бюрократический ее характер, и тому и другому свойству указал место в особых различных сферах управления. Центральному управлению Петр указал задачи — ограждение и развитие государственного казенного интереса. Для этой цели не нужны были люди породы, а требовались люди навыка, знания, подготовки. Этих людей знания, административного мастерства он и при-

зывал в центральные учреждения. Таким образом центральное управление, преобразованное Петром, с его градом и коллегиями получило исключительно бюрократический характер, в котором неизменно сословного элемента. Из разных классов набирал он деятелей в администрации. Из различных классов набирал он деятелей в администрации. Из различных классов набирал он деятелей в администрации. Из различных классов набирал он деятелей в администрации. Головцовым сидел и Меньшиков, хотя он и был показан в князя, но ведь он был сыном придворного лавра. Напротив, управлению областному Петр указал земчу развитию народного хозяйства. Здесь предметом заботливости правительства были интересы двух классов, получивших при Петре особое значение в народном хозяйстве: землевладельческого — дворянства и промышленного — купечества. Интересы этих двух классов и должно было отражать и развивать областное управление. Поэтому Петр открыл широкий простор для участия обоих этих классов в местных учреждениях. Значит, областное управление при Петре получило преимущественно сословный характер. Мы уже видим, в чем выражалось участие обоих этих классов в местном управлении при Петре. Таковы были перемены, произведенные Петром в управлении: в старом Московском государстве все управление по характеру своему было сословно-бюрократическим, при Петре центральное управление стало бюрократическим, а областное — сословным.

Преемники и преемницы Петра во многом изменили созданный им правительственный механизм. Они находили этот механизм слишком сложным и дорогим, начали ведомства слишком раздробленными и начали ставить администрацию, сокращать штаты, отменять учреждения, какие им казались лишними. Так, например, Петр очень хлопотал об отделении суда от администрации, преемники и преемницы начали опять слиять оба эти ведомства, судебное и администрацию-полицеское. Петр учредил во главе губернских городов надворные суды, действовавшие независимо от губернаторов; при Екатерине надворные суды были упразднены, весь суд и расправа поручены администрации чиновникам, губернаторам и воеводам. Петр очень хлопотал о развитии самоуправления дворянско-

го, и городского, по уже к концу царствования он начал стеснять дворянское самоуправление; так, прежде дворяне губерний выбирали из своей среды коллегию при губернаторах не с совещательным только, но и с решающим голосом. — это ландтаги; в 1719 г. ландтаги были упразднены; на месте ландтагов остались выборные представители уездного дворянства и земские комиссары только по полицейским делам. Преемники Петра начали стеснять и городское самоуправление. Самоуправление это выражалось в системе городовых магистратов с выборными членами и главным магистратом во главе. При Екатерине городовые магистраты были подчинены губернским, от которых они прежде не зависели, а при Петре II закрыт был главный магистрат в Петербурге, который руководил всеми губернскими. Значит, при преемниках и преемницах Петра был ослаблен сословный элемент в областном управлении.

Совсем другая перемена замечается в судьбе центрального управления после Петра. Преобразователь, как сказали, сообщил ему борократический, деловой, мастеровой характер. При Петре старое московское боярство, уже раньше начавшее разрушаться, окончательно расстроилось; от него уцелели только некоторые генеалогические развалины в виде немногих сохранивших свой блеск фамилий, таких-нибудь князей Голицыных, Шереметевых и т. п. Но при Петре из этих развалин и из новых слов, выдвинутых преобразователем, сложился новый, пестрый чиновничий класс государственных дельцов. Этот пестрый по происхождению класс был собственно чиновничий, не составлял плотного сословия. Но частью уделевшие предания о старом политическом значении дворянства, частью знакомство с Европой помогло этому классу усвоить себе мысль, что он есть плотное сословие, должноствующее стоять во главе общества, что он — политическая сила, которая должна руководить русским обществом. Вот когда зародилась идея, что петровская чиновная борократия есть аристократия, это — недоразумение, но про должающееся и доселе, и доселе этот мир не в шутку считает себя аристократией. Этот чиновный мир окказал решительное влияние на перестройку центрального

управления, созданного Петром. При Петре во главе управления стоял чисто борократический Сенат. Сенат управлялся состоянием из разночинцев, вовсе не похож было на своему составу на старую аристократическую Думу. Чиновная аристократия, пользуясь открывшимся ей при преемниках Петра простором, не стесняется Сенатом как учреждением борократическим и начинает подстраивать над Сенатом ряд учреждений с аристократическим попицом. Так, при Екатерине над Сенатом подчинен Кабинет министров, также состоявшийся из знатнейших сановников. При Елизавете на место упраздненного Кабинета министров становится Конференция нового совета, так скомпрометированного себя в 1730 г., по выбору императрицы с таким же характером. В короткое царствование Петра III действует с законодательным авторитетом также чиновно-аристократическое учреждение, девятичленный Законодательный совет.

Эти учреждения, возникавшие над Сенатом и старавшиеся усвоить себе руководящее законодательное значение, все вызывались стремлением новосозданной чиновной аристократии открыть себе особое и самостоятельное поприще государственной деятельности. И, с другой стороны, обнаружились те же политические признаки этого нового чиновничества. В вспыхнувших учреждениях Петра представляли государя, блестителем законов поставлены были прокуроры, генерал-прокурор с обер-прокурорами при Сенате и простые прокуроры при коллегиях и некоторых губернских учреждениях. Обязанность прокурора — ограждать государственные интересы; значит, прокуратура была учреждением, в котором с особенной силой оказывалася борократический характер центральной администрации. Это учреждение, очевидно, должно было стеснять новое высшее чиновничество, которое стало смотреть на себя как на политическую аристократию. И что же случилось? То, что редко бывает в истории учреждений. В 1730 г. вдруг ни для кого незаметно оказалось, что нет прокуроров, они девались куда-то; сама императрица Анна в ма-

венно припоминается, что «таким узлом они, чи по кончине дяди оставлен и кем отрешен», ей неизвестно. Прокуроры были провалены под влиянием политической притязаний стесняемой или чиновной аристократии. Анна Ивановна восстановила прокуратуру; после нее правительство Анны Леопольдовны опять отменило ее, и любопытно, кто настоял на этой отмене, — граф Остерман, который носил звание генерал-адмирала, а занимался собственно иностранными делами России, был министром иностранных дел. Какое ему, повидимому моряку и дипломату, дело до прокурора?

Итак, по смерти Петра центральная администрация стремилась стать сословно-аристократической, а областную хотели сделать бюрократической, капителярской. Избавившись от надзора со стороны господствующих сословий в местном управлении и завоевав себе полноделательности в высших центральных учреждениях, новая чиновная аристократия развила такой нестерживающий личный произвол, который спутал течение правительстенных дел, поставил все в зависимость не от закона, а от личного каприса. Правительственные учреждения утратили свои основания, забыли назначить им законом границы действия, водворился полный хаос. Этой хаотичностью виновного и областного управления отличается время императрицы до переворота 1762 г.

Екатерина чувствовала недостатки управления, ей доставшегося. В секретной инструкции генерал-прокурору князю Вяземскому она пишет, что все правительственные места и самий Сенат вышли из своих границ, т. е. сбились со своей законной колеи. Причиной этого Екатерина выставляет частью нерадение к делам ее предшественниц, а частью пристрастие случайных при них лиц, т. е. капризы могущественных временников. В июльском манифесте 1762 г., излагая свою правительственную программу, Екатерина торжественно обещала поставить правительственные учреждения на твердые основания и указать им точные границы действия для поддержания доброго во всем порядка. Близкий человеческому Екатерине граф Никита Иванович Панин поспе-

ши явиться с проектом одного из таких поставленных на твердых основаниях и с точными границами действия учреждения — проектом постоянного императорского совета. Основная мысль этого проекта очень обдумыта. Никита Панин доказывает, что для того, чтобы государь мог действовать с пользой, его власть должна быть разделена между «некоторым малым числом избранных к тому персон», т. е. около государя как участник верховной власти должен явиться совет, состоявший из особо избранных к тому лиц. Граф Никита указывал такие главные недостатки в действовавшем центральном управлении: прежде всего отсутствие твердо установленного порядка деятельности учреждений, а потом отсутствие твердого закона. «Все зависит, — писал он, — от силы персоны, а не от государства». Учредив недостатки в отсутствии твердых основных законов, которые сдерживали бы силы персон. Екатерина приняла предложенный ей проект постоянного императорского совета и даже имела неосторожность подписать манифест об этом, назначить даже членов совета, но потом ей кто-то растолкал, куда ведет ее Никита Панин, правая ее рука в иностранных делах.

Никита Панин был вельможа, не чуждый аристократических идей 1780 г., т. е. политических притязаний верховной шведской аристократии; шведский сейм был для него идеалом высших государственных учреждений. Этот идеал он и хотел осуществить в проекте постоянного императорского совета. Легко понять значение этого учреждения. Панин хотел связать верховную власть обязательным для нее учреждением, политический авторитет которого был бы признан законом. Этот совет должен был получить характер высшего законодательного учреждения, которое связывало бы руки верховной власти. Когда Екатерине разъяснили смысл этого учреждения, она покрикнула подписаный ею манифест, который никогда не был обнародован. Екатерине осталось без перемен, в прежнем хаотическом состоянии.

Реформа
областно-
го управ-
ления

Екатерине оставалось как поприще для преобразо-
вательной деятельности сферы управления областного.
Она и обратила все свои преобразовательные усилия в
эту сторону. В инструкции губернаторам, разосланной
ей в 1764 г., она пишет, что губернии суть такие части
государства, которые наиболее поправления требуют.
Таким образом, областная администрация была объявлена наиболее нуждающейся в перестройке. Разные
причины побуждали Екатерину обратить внимание на
ату более низкую сферу деятельности и ее ограничить
преобразовательную деятельность. Во-первых, вскоре
после роспуска кодификационной комиссии, в 1773 и
1774 гг., разразился громадный народный бунт — Пута-
чевский, а действующее тогда областное управление не
сумело ни предупредить этого мятежа, ни пресечь его
во время. Итак, интересы государственной безопасности
заставляли подумать об устройстве более совершенного
областного органа управления. Во-вторых, если бы Ека-
терина попытала применить свою политическую тео-
рию к центральному управлению, это могло бы связать
её руки, а она и в Наказе выражала мысль о необходимости
развития областного управления в новом книжном
французском духе не грозило никакой опасности,
даже никаким стеснением: неудобно в столице поставить
конституционный совет, но по губерниям это возможно.
Наконец, только на перестройке областного управления
настаивали дворянские депутаты 1767 г., а Екатерина
слушала внимательно заявления этих дворянских депу-
татов. Таковы были три побуждения, заставившие Ека-
терину прежде всего перестроить областное управление.
Всеми этими побуждениями вызваны были изданные в
1775 г. Учреждения для управления губерний.

Губернские учре-
ждения, — по окончании Северной и дальневосточ-
ных областей, каждая из которых вмешала в себе не-
сколько нижележших губерний. Это — петровские губер-
ния, подразделявшиеся на провинции, которые в свою
очередь, разделались на уезды. После разделения, когда
государство сделало значительные территориальные при-
обретения, — по окончании Северной и дальневосточ-
ных губерний стало 20. Екатерина в манифести-
7 ноября 1775 г. отметила три главные недостатка дей-
ствующего областного управления: 1) областные адми-
нистративные округа губерний слишком крупны; 2) эти
губернии снабжены недостаточным количеством учреж-
дений, а учреждения — недостаточным количеством лиц
определенного состава и чиновников; паконец, 3) в этих учреж-
дениях смешались различные ведомства: одно и то же
место ведало и администрацией с полицией, и суд, и
финансы. Учреждения 1775 г. устраивали все эти недо-
статки. Границы прежней крупной губернии опреде-
лялись частью географически, свойствами местности,
частью исторически. Екатерина приняла единственным
основанием нового губернского деления статистику, ко-
личество населения. Губерния Екатерины — округ с
населением в 300—400 тысяч жителей. Она подразде-
лялась на уезды с населением в 20—30 тысяч жителей.
Новых губерний, созданных таким делением, выпо-
ло 50. Они и до сих пор остались почти в тех границах,
какие были проведены Екатериной.

Каждая губерния получила однобразное прави-
тельственное устройство, в котором строго разделены
были разные ведомства: административное, судебное и
финансовое. Во главе административных учреждений
поставлено было *губернское правление*. Это — учрежде-
ние исполнительное, полицейское и распорядительное;
во главе его стоит губернатор. Губернское правление
передает местным учреждениям законы и указы выс-
шего центрального правительства, наблюдает за пра-
вильным течением дел в других учреждениях, понуж-
дает их к исполнению своих обязанностей, смотрит за
порядком и типиной в губернии. Губернское правление

согласств, «и когда, — продолжает Екатерина, — мы перечи-
таем их, то напишем, что это — превосходное произведение».

Разделение
губерний
на Рос-
сии

руководит также исполнительными полицейскими учреждениями, называемыми *нижними Уездами* или *судами*. Во главе нижних земских судов в Уездах стоит исправник или капитан. Капитан-исправник — блюститель полицейского порядка в уезде; он принимает меры против заразы, заботится, по выражению положения, «о сохранении и излечении рода человеческого», следит за исправностью дорог и мостов, имеет надзор за торговлей, наблюдает за безопасность политической благоденствия уезда, предупреждает и пресекает преступления, помогает суду, т. е. производит предварительное следствие, и т. д. Все это, по положению, исправник должен делать «усердно, с осторожной строгостью, с доброхотством и с человеколюбием к народу». Власть его простирается на весь уезд, кроме уездного города; в последнем ему соответствует городничий или комендант. Финансовое управление ведает *губернскими казенными палата*, она заведует казенными сборами, постройками и подрядами; от нее зависели *казначейства* губернские и уездные, которые собирают и хранят казенные доходы. Так устроена была администрация полицейская и финансовая.

ловные дела ведала *палата уголовных дел*, дела гражданские — *палата гражданских дел*. Обе палаты составляли верхний слой судебных губернских учреждений; под ним лежал второй слой судебных учреждений. В первом слое второго разделения были дела по существу; во втором слое они смешаны были по существу, но разделены по сословиям. Это были *свиржий земский суд* по делам дворян, *губернский магистрат* по делам купечества и мещан, *верхняя земская расправа* по делам вольных хлебопашцев очень нестрогого состава: из однодворцев, крестьян дворцовых, государственных и экономических, т. е. бывших церковных, и из всех занимавшихся хлебопашеством вольных людей. Эти два слоя судебных мест сосредоточивались в губернском городе и компетенция их простиралась на всю губернию. В уездных городах действовал третий, нижний, слой губернских учреждений, также с сословным характером. Это были *уездный суд* по делам дворянства, городовой

магистрат (в отличие от уездного) "по делам купечества и мещан, нижние земские расправы по делам вольных хлебопашцев. Уездные сословные суды были подчинены сословным губернским, а последние судебным палатам в порядке апелляционном и ревизионном. Как при губернских, так и при уездных судебных местах обретались были еще учреждения специального характера. Так, в губернских городах устроен был совестный суд; подлежали такие, где источником преступления было несознательная вина преступника, а несчастье, почальное стечения обстоятельств, малолетство, безумие, суворие, фанатизм и т. п. Все такие уголовные дела ведали совестный суд. Из дел гражданских его ведению принадлежали дела, теперь находящиеся в ведении мировых учреждений, именно дела гражданские, по которым сами тяжущие обращались к совестному суду, если хотели. В этих делах совестный суд прежде всего должен был мирить обе стороны. Далее, рядом с судебными дворянскими учреждениями возникает представительство местного дворянства. Для выбора депутатов в Комиссию 1767 г. уездному дворянству велено было предварительно выбрать руководителя на выборах, который получил название уездного предводителя дворянства. По окончании выбора уездные предводители не сложили о себе должности, а остались руководителями местного дворянства. Точно такое же право и по тому же случаю дано было и городскому населению, выбиравшему городских голов. Теперь при сословных судебных учреждениях возникают опекунские учреждения: именно при уездном суде и уезде — *дворянская опека* с уездным предводителем дворянства во главе, при городовом магистрате — *сиротский суд* с городским головой во главе. Дворянская опека ведала дела по опеке вдов и детей дворянских, сиротский суд — дела по опеке вдов и сирот купечества и мещан. В губернском городе для заведования школами, сиротскими домами и другими благотворительными учреждениями возник приказ общественного призрения, составленный из депутатов двух сословий, — дворянства и городского населения.

Основные
начала
губерн-
ских уч-
реждений

Таков был сложный административно-судебный механизм, созданный положениями 1775 г. Разберем со-ставные части этого механизма. Какими начальками руководилось правительство, создав его? Легко заметить прежде всего, что составителями проекта руководило начало разделения ведомств, строгое разграничение дел административно-полицейских, судебных и финансовых. Начало этого разделения в тогдашней французской лите-ратуре было модной идеей, пущенной в ход известной книгой Монтескье; тогда не мыслили правильного го-сударственного устройства без строгого разделения вла-сти законодательной с судебной и административной. Очевидно, в губернских Учреждениях 1775 г. состари-тели заплатили щедрую дань этой идеи, но совершенно несогласно было с этой идеей, как и вообще с полити-ческими воззрениями тогдашней французской лите-ратуры, устроитьство сословных судебных учреждений. От этого устройства пахло чем-то феодальным, средневеко-вым порядком, когда, как известно, каждое сословие имело свой сословный суд, т. а. не были все подчинены однаковому закону, между тем как тогда под равен-ством именно понимали подчинение всех граждан оди-наковому суду и однаковому закону. Откуда явилась в губернских учреждениях это неожиданное противо-речие? Очевидно, источник его надо искать не в адми-нистративных воззрениях самой Екатерины, воспитан-ной на французской политической литературе.

Дворян-
ство в об-
ластном
управле-
нии

Источник этого противоречия надо искать дома; он открывается, когда мы станем рассматривать наложен-ия заявления дворянских депутатов Комиссии 1767 г. Эти депутаты настоячиво требовали от правительства, чтобы оно устроило дворянство, местные корпорации и представило ему деятельное участие в местном управ-лении. Дворяне многих уездов даже требовали, чтобы дворянству предоставлен был выбор уездных управите-лей — воевод. В наказе боровского дворянства мы встре-чаем желание, чтобы дворяне уездов собирались каж-дые два года для рассмотрения, все ли в уезде чинится в порядке и по закону, а также и для выборов предво-дителей с помощниками; на этих съездах уездное дво-ричество выбирает ландрата и на помочь к нему от

жаждого стана «дистрикта» дистриктного комиссара; вы-бранный дворянством ландрат должен чинить суд и расправу по делам всех обывателей без различия сосло-вий, а дистриктный комиссар помогает ему в отправле-нии судебных дел, т. е. производит предварительное следствие и т. п. Эти заявленные дворянством желания и были проведены в губернских Учреждениях. Очевид-но, капитан-исправник это — ландрат, которого требова-ли дворяне: капитан-исправник избирался местным дво-риством и руководил низшими земскими судами; дистриктный комиссар был отсрочен пока, чтобы потом, в царствование Николая, явиться в виде ставового при-става. Итак, вот где источники противоречия в Учрежде-ниях 1775 г. Дворяне требовали сословного суда; созда-ние сословного дворянского суда повело к образованию сословного суда для купечества с мещанами и для воль-ных хлебопашцев. Значит, практические дворянские стремления столкнулись с политическими воззрениями императрицы, и оба начали поместиться рядом в губер-нских Учреждениях 1775 г., несмотря на взаимное несо-гласие. Правда, в Наказе высказана мысль, что каждый должен судиться себе равным. Но легко заметить, что эта идея, неясно выраженная в Наказе и не соглашен-ная с идеей равенства всех граждан перед законом, проведена в губернских Учреждениях непоследователь-но, под влиянием соображений, ей противоречавших, именно, соображений, внушенных интересами одного сословия.

Как были проведены в Учреждениях другие жела-ния, выраженные дворянством? Верхний слой судеб-ных мест в губернии составляли палаты уголовная и гражданская. Это — учреждения не сословные, ведь их личный состав назначался правительством. Второй слой состоял из сословных судебных учреждений; предсе-дателей в верхнем земском суде, в губернском маги-страте и в верхней земской расправе назначало прави-тельство, заседателей или товарищей, членов коллегии, назначали сословия: в верхнем земском суде — дворяне, в губернском магистрате — купцы с мещанами и т. д. Повидимому, здесь, в этом втором слое судебных уч-реждений, равномерно проведено было сословное пред-

ставительство. Третий уездный слой судебных

мест также состоял из сословных учреждений. Здесь все

члены — и председатели, и заседатели — были выбо-

ные от разных сословий, за исключением «расправного

судьи», т. е. председателя нижней расправы, которого

назначало губернское правление из «чиновных людей».

Но полицейское учреждение — нижний земский суд —

ведало в полицейском отношении все население уезда

за исключением уездного города, где место капитан-

исправника занимал городничий или капитан. Капитан-

исправник и заседатели нижнего земского суда выбира-

лись одними дворянами. В делах, касавшихся вольных

хлебопашцев, с дворянскими уполномоченными действи-

вали выборные от этого класса, но только там, где

была никакая расправа, а нижние расправы были да-

ко не во всех уездах, потому что не во всех уездах было

достаточное число вольных хлебопашцев — не менее

10 тысяч душ, принадлежащих к этому состоянию. Зна-

чит, через нижний земский суд с исправником дворян

простирали свою власть на все население без разделения

сословий. Таким образом, в уезде дворянство получало

решительное преобладание над остальными классами

общества.

Далее, высшие губернские учреждения, судебные

и административные, были учреждениями коронными,

а не земскими. Все члены их назначались правитель-

ством, но личный состав этих учреждений выходил по

назначению правительства из того же дворянства, кото-

рое выбирало председателей и председателей в сословные

дворянские учреждения. Как в центре, так и в губерн-

ских органах центрального управления, не имеющих

сословного характера, действует все то же дворянство,

которое замещало по выборам должности сословных

учреждений. Значит, в губернии прямо или прикрыто

все управление отдано было в руки дворянства, его

правительственное значение здесь выражалось в двой-

кой форме: в замещении выборных должностей в дво-

рянских судебных учреждений и потом в личном со-

ставе высших губернских учреждений, не сословных.

Значит, губернские Учреждения 1775 г. поставили дво-

рянство во главе губернских обществ с руководящим

занятием по выборам и по назначению от правительства. Так окончательно определилось положение этого сословия в государстве при Екатерине. Оно стало прочношим классом русского общества только не из столицы, а по губерниям, в сфере областного управления; оно не руководило государством по закону, но оно и по закону

и на деле руководило местными обществами.

При введении этих губернских Учреждений и за-

вершено было как корпоративное устройство дворянства, так и сословное самоуправление городского населе-

ния. Губернские Учреждения 1775 г. вводились лег-
ко, почти до самого конца парсовования Екатерины. При

введении этих Учреждений в каждой губернии съез-
жалось в губернский город все местное дворянство и

так как этому сословию предоставлено было широкое

поле деятельности, то выбирало себе губернского пред-
водителя. До тех пор были только уездные предводители

дворянства, значит, дворянство делилось на мелкие, ме-
стные миры по уездам; теперь при введении губерн-

ских Учреждений без особого указа, постепенно дворян-
ские уездные кружки стали слагаться в крупные губерн-

ские корпорации с выборными дворянскими губерн-
ским представителями. Екатерина постепенно давала

этим корпорациям даже особый сословный мундир раз-
ного цвета, смотря по губерниям (однообразный мундир

с красными обшивками был дан вследствии при
Николае).

Устройство областного управления было завершено
думы жалованными грамотами, данными дворянству и
городам. Обе эти грамоты были подписаны в один
день — 21 апреля 1785 г. Вот главные черты того и
другого акта.

В жалованной грамоте, данной дворянству, завер-
шено было корпоративное устройство этого сословия и
окончательно определены права дворянства. Дворянин
пользуется своим недвижимым имуществом и крестья-
нинам на правах полной собственности. Он передает свое
имущество жене и детям и лишен право звания не иначе,
как по суду за известные преступления, причем приго-
вор о преступлении дворянина получает силу только
при утверждении верховной власти. Кроме того, дворя-

Корпора-
тивное
устройст-
во дворян-
ства

Городское
самоу-
правление

ни свободен от телесных наказаний, от личных податей, от рекрутской повинности. Дворянские собрания имеют право ходатайствовать перед правительством о своих соколовых нуждах.

е городское. Как мы видели, положение 1775 г. учреждало только судебные сословные учреждения для купечества с мещанами: городовой магистрат в уезде и губернский магистрат в губернском городе. При помним учреждений были связаны между собой в порядке аделяционном или ревизионном, т. е. из писцых инстанций дела передавались в высшие по жалобам челобитчиков. Кроме того, высшие судебные учреждения производили ревизии дел низших, т. е. пересматривали их решения или вносили окончательные приговоры на доклады низших инстанций. По положению 1775 г., купечество получило две судебные инстанции. Теперь образовано было постоянное управление полицейско-хозяйственное. Жалованной грамотой 1785 г. все городское население разделено было на 6 состояний: 1) именных граждан, 2) настоящих обывателей, т. е. имеющих в городе дома и земли, 3) купцов гильдейских, 4) пекарей ремесленников, 5) иностранных и иного родных гостей и 6) погадских, которые промышляют черной работой или ремеслом, не имея недвижимой собственности в городе. Вместе с тем городское торгово-промышленное население разделено было на гильдии по размеру капитала. Торгующие с капиталом не менее 10 тысяч рублей составили первую гильдию, имеющие капитал от 5—10 тысяч — вторую; капитал не менее 1 000 рублей — третью; торговцы и промышленники, имеющие капитал меньше 1 000 рублей, составляли класс мещан. Для дел хозяйственных и полицейских в городе устроены были две городские думы: общая и постыдасная, оба учреждения — выборные. Общая дума имела распорядительное значение по городскому хозяйству и собиралась лишь от времени до времени, как цари земские собирали; постыдасная имела исполнительное значение по добно написм земским управам и действовала постоянно.

рило и развивалось тут; причиной этого была гадкая рука губернаторов. Напротив, с большим успехом разинялось самоуправление дворянское. Вредение губернских учреждений вызвало необычайное оживление в местном дворянстве. В трехлетние периоды выборные дворяне съезжались в губернские города и здесь среди приоров и увеселений производили выборы, устроили местное управление; обыкновенно этими увеселениями и пирами угощал съехавшееся дворянство свой брат-губернатор. Эти дворянские съезды быстро слогли и местное дворянское общество. Припомните, что дворянство только недавно прибыло в губернию из продолжительной службы, из столичной казармы, уголовное по закону 18 февраля 1762 г. Явились теперь, по получении чистой отставки, в местность, куда оно заглядывало редко, дворянство долго не могло осмотреться, найтись среди местного общества. Введение губернских учреждений помогло ему скоро оглянуться и устроиться в губернии. Наблюдатели со стороны были поражены оживлением, которое приняла жизнь дворянства под влиянием новых учреждений. Эти наблюдатели даже преувеличили потом значение этих учреждений. На губернаторских пирах, разумеется, дворянские языки разыгрывались; прислушиваясь к толкам и речам состояния на этих оживленных сходках под руководством своего наибольшего, хотя и коронного чиновника, иностранное наблюдатели прочили политическую будущую для России. В одном французском мемуаре мы встречаем такую заметку: «Рано или поздно эти дворянские собрания подадут сигнал для революции».

THE LXXXI.

Участие дворянства в местном управлении до Екатерины II. — Удовлетворение требований дворянства об участии в местном управлении. — Идея Екатерины II и реформа местного управления. — Развитие крепостного права после Петра I. — Увеличение числа крепостных путем присыки. — Покалование населенных земель. — Усиление власти помещиков над крестьянством

Участие дворянства в местном управлении Екатериной II

Теперь попытаемся отдать себе отчет в значении губернских учреждений Екатерины. По закону местные губернские общества разделены были на два независимые друг от друга мира: дворянский — сельский — и городской — промышленный. Тот и другой пользовался самоуправлением, оба они были сложены в местные корпорации. Но городское самоуправление и после городовой жалованной грамоты 1785 г. развивалось очень медленно. Напротив, если не с большим успехом, то с большей живостью действовало самоуправление дворянское. Почему дворянский мир действовал оживленнее городского промышленного? Потому что дворянство имело некоторую политическую подготовку к самоуправлению.

Это заставляет нас сделать краткий обзор истории дворянского самоуправления до Екатерины. В нашей литературе господствует мысль, что местные дворянские общества имели недавний возраст, начали возникать не раньше областных учреждений Петра I; что

в старой Московской Руси служилые люди, из которых в основном образовалось дворянство, связанны были по своей службе исключительно с центром, со столицей, и поэтому не имели связи с местными общностями, не участвовали в местном управлении и сами не были сложены в местные корпорации. Мысль эта совсем не оправдывается общественными явлениями в стадии Московской Руси. Прежде всего мы встречаем слабое, правда, но явное по своему значению участие служилых людей — в местном правительстве и общественной деятельности дворян. В местном правительстве с другими классами общественности. Дворянство вместе с другими классами общества и до Петра выбирало главного блюстителя общественного порядка в провинции, в уезде — губного старосту, который преследовал разбойников, воров, воинов-нарушителей общественного порядка. Этот уездное нарушителем выбирался всеми классами общества — полицеймейстером из служилых людей. Далее, по обыкновению, по закону, из служилых людей, по уезду, как и люди посадские и местное духовенство, собирались, чтобы избирать депутатов на Земский собор, созывавшийся в XVII в. от времени до времени. И так, у дворянства, кроме его государственной службы, призывающей его сословие к центру, были дела и на месте. Затем дворяне уже до Петра являются сословием в довольно прочно организованном сословии горожан, служебные общности. Связь, которая соединила дворян в такие местные корпорации, были отношения служебно-землевладельческие. Служилые люди отбывали обязательную военную службу; средством для отбывания этой повинности служило землевладение, поместья и вотчины, которыми владели служилые люди. Эти отношения по службе и по земле и складывали уездных дворян в местные общности. Для устройства правильного отбывания службы и правильного исполнения служилых людей, они по уездам выбирали из своей среды окладчиков, показанными которых руководилось центральное правительство в устроении служебного землевладения по каждому уезду. Эти коллегии окладчиков, обыкновенно вступавших в свою

должность с принесением присяги, были предпринятыми и губернскими представителями. Впрочем, всякий раз, когда являлся в уезд столичный разборщик, приводивший смотр уездному дворянству, съезжались все дворяне длядачи показаний ревизору о том, как они служат, сколько за ними крестьян, земли, сколько у них детей, недорослей или взрослых, служат ли последние и т. д. Притом дворяне уезда ручались друг за друга в исправном отбывании службы. Это было общество порука, которой связаны были городские и крестьянские общества; только эта порука была устроена иначе, чем в последних. Как известно, в сельских обществах порука круговая, т. е. все члены общества ручаются за каждого и каждый за всех. Дворянская порука устроена была не так: некоторые дворяне ручались только за некоторых, очевидно, по месту жительства, по соседству поместий и вотчин, один ручался, например, за троих, но и за него ручались трое и т. д. От круговой крестьянской цепной, служилой. Если ви на дворянских обществах и их выборных окладчиках, серьезные интересы, которые регулировались при этих дворянских съездах в присутствии столичного ревизора, то вы поймите, что древнерусские дворянские корпорации были гораздо почтеннее по своему составу и серьезнее, чем дворянские собрания XVIII в. с их победами и сладкими речами. Итак, уже до Петра служилые дворяне по уездам не только участвовали в местном управлении, в местной общественной службе, но связанны были в местные союзы, ничуть не менее крепкие сравнительно с союзами городскими и крестьянскими.

С Петра эти местные служебные союзы изменились, ослабли, потому что рядом с ними возникли другие. Служба и земли служилых людей в древней Руси устроены были по местности, каждый провинциальный дворянин служил преимущественно на своем месте, на той или другой границе или в том или другом уезде.

которому был привязан службой и в котором находился его вотчину и поместья. Создание регулярной армии оторвало дворян от места. Прежде дворяне уезда при нападении неприятеля составляли гарнизон уездного города, в дальний поход шли уездным территориальным полком. Регулярные полки не имели такого территориального значения; они выбирались из людей из различия их места жительства, действовали они на одной границе, на которой шла продолжительная война, вдали от места, от уезда, где находились их имения. Теперь образовались взамен прежних местных союзов союзы полковые. Как мы знаем, дворяне состояли в регулярных полках их кадры, т. е. офицерство; каждый полк и каждая дивизия были своего рода воинской корпорацией, т. е. офицеры полка, как и все офицеры дивизии, составляли известный союз, которому предоставлены были некоторые права. Это не были простые застольные или какие-нибудь иные товарищества, это были союзы, признанные правительством. Обер-офицеры полка назначались из рядовых (ибо дворяне начинали службу рядовыми) по выбору, по баллотировке и ручательству всех офицеров полка; выбор штаб-офицеров полка производился баллотировкой и по рутателству генералов и офицеров всей дивизии. Таким образом, рядом с прежними местными, служилыми землевладельческими союзами теперь, с образованием регулярной армии, явились союзы военные.

Но и прежние местные союзы не были разоружены. Царь, напротив, поддерживал их. При Петре, как мы знаем, получило важное значение в государственном и народном хозяйстве служилое дворянское землевладельческое население. Жизнепись на Дворянской земле крестьяне составляли главную массу щедрых плащевников. Землевладельцы были финансовые и помещеческие орудия высшего правительства по отношению к этим крестьянам. По указу о первой ревизии начальникладельцев наложен был обязательный полицейский надзор за их крепостными, ответственность за исправный платеж подушной подати. Дворян-землевладельцы стали полицейско-финансовыми чиновниками своего правительства по отношению к своим кре-

стяням, избавлял казну от огромных расходов, каких потребовало бы устройство полиции и финансового управления. Таким образом, дворяне, по службе оторванные от места, по землевладению оставались к нему привязанными. Это местное значение дворян выразилось и в той роли, какую Петр предоставил ему в губернском управлении. Мы видели, что дворяне выбирали из своей среды ландтага, советника при губернаторе, который вел дела по соревнованию с ними в коллегиальном порядке; мы видели, что полицейский надзор в уезде по указам 1719 г. и дальнейших годов поручен был также уездному дворянству, которое из своей среды выбирало полицейского чиновника или уездного местного комиссара. Итак, местная деятельность дворянства не прекратилась с переводом его в регулярные полки, не имеющие местного, территориального характера. После Петра начинают падать образование им военные солзы; это разрушение их объясняется постепенным освобождением дворянства от обязательной службы, начавшем с каждым почти гарнизонием получало новые льготы по службе: сначала отпускались на побывку, потом ограничен был срок обязательной службы, заключенный 1762 г. оно было совсем уволено от службы. Таким образом, падал интерес, привлекавший сословие к столице, с одной стороны, с другой — усиливаясь связь его с местом землевладения. Дворянство становится все более оседлым. Огромное количество земли принадлежащее служилым людям до Петра на поместном праве, которое делало дворян временными владельцами их поместий. Петр, как известно, установил один порядок наследования для вотчин и поместий, стеснив право дворян располагать ими по завещанию. Императрица Анна, по вступлении на престол, в благодарность дворянству, поддерживавшему ее против притязаний верховников, указом 1731 г. отменила этот стеснительный порядок наследования, установленный законом 1714 г., предоставив дворянству завещать свои имения по усмотрению, но придав однородными все дворянские имения, поместья и вотчины — все обратив в полную наследственную их собственность. Вот минута, с которой поместье стало значить вотчина, т. е. наследство

единое имение, принадлежавшее владельцу на правах полной собственности. Этот закон окончательно сделал дворянство оседлым классом, а не временным владельцем своих земель. Все это отрывало дворянство от Петра и привязывало к уезду, к местному миру, к землевладению. Прежде дворянин был больше служильный человек, чем землевладелец, теперь он стал землевладельцем, перестав быть служильным человеком. Сообразно с этими изменениями государственного положения изменились и политические вкусы сословия. Примите, что дворянство после Петра через свою гвардию неоднократно делало правительство. Вместе с обязательной военной службой эта политическая роль, приобретенная дворянством в дворцовых переворотах, привыкала политические стремления сословия к стоящему правительству, развились политические вкусы, привыкшие к двору; поэтому в дворянстве развились желание принимать участие в делах высшего центрального правительства, развились политические вкусы, привыкшие к двору. Посмотрите, например, на то, что желало дворянство, которое уничтожило ограничение власти императрицы Анны. Вы думаете, что сословие стоит за полный абсолютизм? Ничуть. Оно уничтожило условия ограничения верхней власти, навязанные верховниками, но оно желало принимать деятельное участие в делах высшего правительства. В просьбе, в которой дворянство просило императрицу принять власть, оно выражало желание избирать из своей среды членов Сената и Верховного Тайного совета, а также и президентов коллегий, т. е. выражало желание, чтобы центральное управление устроилось с участием дворянства, о местном управлении дворянство не промолвило ни слова; очевидно, местные отношения, присущие интересы его нисколько не занимали.

Переходим к Комиссии 1767 г. и здесь встречаем настоящое выражение совсем иных политических стремлений сословия. Дворянские депутаты не говорили ничего о своем отопечении к центральному управлению, требовавшему участия в местном управлении

городские защитники дворянских прав, как князь Щербатов, не промолвили ничего об участии дворян в центральном управлении; все их политические стремления свелись к уездам. «Дайте нам в руки уезды», — вспоминает требовало дворянство в Комиссии, «и дав нам руки уезды, правьте, как знаете, столицею». Дворянские депутаты выразили потом желание устроиться в местные, уездные общества, выбирать из своей среды уездного боярствителя общественного порядка, даже выбирать из своей среды уездного управителя. Так изменились политические вкусы сословия; очевидно, эта причина произошла вследствие перемены в положении дворянства; оно теперь стало свободно от службы, теперь оно усвоилось в своих имениях и должно руководить местным управлением. Легко замечать, какие интересы удовлетворялись губернскими дворянской жалованной грамотой. Эти губернские Учреждения признали и закрепили стремления дворянства руководить местным управлением и никакого не определяли отношения сословия к центральному правительству, к верховной власти. Губернские Учреждения исполнили то, чего желало сословие, облегчили в Учреждении эти заявленные дворянством стремления. Значит, губернские Учреждения были завершением того местного устройства дворянства, к какому оно стремилось издавна. Чтобы запомнить все моменты в этом ходе развития местного значения сословия, я уложу его в такие краткие формулы. До Петра дворянство служило, не правило, служило в центре и в провинции. При Петре дворянство служило в центре и начинало привить в провинции. С изданием губернских Учреждений 1775 г. дворянство не служило ни в центре, ни в провинции, но правило проповедовало. Эти формулы и помогут вам запомнить три главные момента в развитии местного правительственного значения дворянства. Запомнить эти моменты необходимо, потому что правительстvenное значение дворянства как руководящего класса в местном обществе — один из крупнейших факторов в нашей политической и общественной истории последних столетий.

ханизма? Развитая техника этого механизма, тонко очертенные сложные формы его не были большим шагом вперед в истории наших учреждений по многим своим особенностям. Во-первых управление хорошо тогда, когда оно во всех своих частях, в центре, как и в провинции, построено на одних и тех же началах. Губернские Учреждения 1775 г. усилили, если не ввели противоречие началь центрального и областного управления. Центральное управление при Екатерине оставалось, как прежде, чисто борократическим, действовало без всякого призанного законом участия общества; напротив, сластиное управление стало более прежнего состоящим, зло при деятельном участии двух классов общества, впрочем, с решительным преобладанием одного из них — дворянства — над другим.

Далее, губернские Учреждения 1775 г. установили несогласствие между правами классов и их обязанностями. Прежде дворянство обязательно служило и пользовалось за то некоторыми правами; теперь оно перестало служить, по стало пользоваться большими правами, стало править местным обществом тогда, когда перестало служить государству. Так нарушено было основное требование политической правды, равновесие между правом и обязанностью. В-третьих, губернские Учреждения стали в противоречие с призанными Екатериной начальами: сословно-судебные учреждения, ею устроенные, противоречили ее же собственному Наказу, чтобы люди всех состояний судились и управлялись себе равными. Мы видели, что местное общество управлялось и судилось людьми одного класса — дворянством. Наконец, губернские Учреждения, благодаря их техническим особенностям, ввели необыкновенную сложность в местное управление. Вы видели, сколько построено было разных административных, финансовых и судебных мест. Там, где прежде действовало 10—15 чиновников, теперь явилась сотня; где действовало одно учреждение, теперь их явилось 10. Это увеличивало дорогоизнку администрации, а дорогоизна администрации сама по себе, независимо от исправного ее действия, есть уже верный недостаток. Таково значение этих учреждений. Теперь от административных

преобразований мы перейдем к изучению общества, как оно было устроено законодательством Екатерины. Важнейшие интересы государства были связаны с двумя классами общества — дворянством и крестьянством. С изучения положения этих двух классов мы и стоим. С изучения положения общества в царствование Екатерины. Правительственная роль, указанная дворянству в местном управлении Учреждениями 1775 г., основывалась на землевладельческом значении дворянства, на положении его в селе. Огромное большинство подушных плательщиков состояло из крестьян, живущих на дворянских землях. Большинство местных уездных обывателей связало быто с дворянами-землевладельцами частными поземельными отношениями независимо от правительенного значения дворянства. Дворянство потому и стало руководить местным управлением, что в его руках находилось наибольшее количество местного населения.

Отношения, существовавшие между дворянами-землевладельцами и жившими на их землях крестьянами, выражались в одном термине: *крепостное право*. На историю этого права я и остановлю ваше внимание; им и определяется государственное положение и взаимные отношения обоих классов. Мы знаем, какая перемена произошла здесь в положении крестьян со временем первой ревизии: холопы были привлечены к государственной повинности вместе с крестьянами. Это сударственной позиции вместе с крестьянами. Это одна перемена, внесенная Изм закрепленная указом первой ревизии. В отношении как холопов, так и крестьян к землевладельцам теперь стало вмешиваться правительство, тогда как прежде, определяя положение подательство, тогда как прежде, определяя положение подателей крестьян, правительство не вмешивалось в отношений крестьян, правительство не вмешивалось в отношения холопов к господам, потому что холопы составляли их частную собственность. Таким образом, перемена, происшедшая в положении сельских классов — холопов и крестьян, состояла в известном повороте соединении юридических особенностей, какими отличались оба класса, в известном обмене юридических признаков. Крестьяне были прежде податными плательщиками, но не были личнокрепостными. Холопы были личнокрепостными людьми, но не были податными плательщи-

Развитие
крепостного права после
Петра I

ками. Теперь податная подать с крестьянами была распространена и на холопов, зато личная крепость холопов распространена была на крестьян. Из соединения этих особенностей и образовалось новое юридическое состояние, которое и обозначается термином *крепостные узни*. Крепостное право после Петра со временем первой ревизии развивается в двух направлениях: количественно и качественно, т. е. постепенно становится все больше людей в положении крепостных и в то же время усиливается власть господина над крепостными людьми.

Мы прошедшим оба эти процесса.

Крепостное население размножалось двумя юридическими способами: припиской и пожалованием. Путем приписки в крепостное состояние зачислялись постоянно мелкие общественные столы, которых не захватили ревизии, которые обыкновенно производились через 20 лет, все люди, не имеющие определенного занятия, постоянно места жительства, постепенно записывались за учреждениями или лицами и попадали в крепостную зависимость. Так, указами дальнейших реформ велено было записывать за кем-либо, кто пожелает, непомнящих родства и бродят, вольноотпущенников, т. е. бывших холопов, нищих, незаконнорожденных, пленных инородцев, солдатских детей и т. п. Даже малолетние дети вольноотпущенников, оставшиеся без родителей, записывались в крепостное состояние за тем, кто пожелает их принять, если они не старше 10 лет и не могли сказать, кому служили их родители. Значит, правительство стремилось записывать за учреждениями или лицами всех, кого в древней Руси называли гуляцами людьми, кто не пристроился к кому-либо общественному состоянию. Легко понять, какое обширное поле для злоупотреблений открывает это распоряжение правительства, как много лиц попадало в крепостные, какое множество детей запятыханных связанных служителей было записано за помещиками. Сенат, руководитель управления, смотрел сквозь пальцы на эти злоупотребления, действуя в интересах того состояния, к которому принадлежали его члены; так, например, когда появилось много жалоб на незаконную

приписку после второй ревизии, производившейся в 1721 году Елизаветы, Сенат постановил оставить все жалобы без последствий и запретил всем записанным в ревизии сказки жаловаться на незаконность приписки. Таким образом, множество лиц и семейств, которые по своему общественному положению не припадлежали к крепостным, попали в крепостное состояния. Этим правительство XVIII столетия продолжало старую работу Московского правительства XVII в., работу чиновников общества, уничижения переходных слоев, которые оставались в промежутках между главными классами. Правительство хотело стянуть общество в три замкнутые ячейки, не говоря о духовенстве: в дворянство, городское состояние и крепостное крестьянство.

Пожалование

Еще сильнее действовало в количественном разногласии крепостного состояния пожалование, т. е. дача земель с присоединенными к ним людьми в частную собственность. Обыкновенно обширные казенные и дворовые земли с крестьянами служили источником этой раздачи. Пожалование было продолжением старых поместных дач. Что значили тогда эти дачи, как они назывались, т. е. что давалось во владение?

Прежде, когда крестьяне не были еще присоединены к земле, владельцу давали только землю; когда с Уложением крестьяне были присоединены к земле, владелец, получивший поместную дачу, получал собственно поместный оброк с присоединенными к земле крестьянами. Когда поместное присоединение превратилось в крепостную личную зависимость, пожалование получило другой характер. Поместная раздача прекратилась с Петром, так как поместья и вотчины смешались в один род землевладения. Теперь, следовательно, человек, получивший населенную землю, получал во владение рабочие руки вместе с землей, на которой они работали. Эти пожалования совершались по различным побуждениям. Земли с крестьянами жаловались за государственные заслуги, даже просто за службу наряду с денежным жалованьем или как пополнение жалованья; так, например, по указу 1737 г. правительство, желая привлечь к службе на горных казенных заводах офицеров-техников, назначало в пополнение к денежному

жалованье офицерам из дворян по 10 крестьянских дворов, что разнялось тогдашним, круглым числом, 40 дворами, офицерам из разночинцев, не дворянам, вплоть до мельше, но с тем, чтобы эти офицеры и их дети оставались всегда служить на заводах. Таким образом, и служба при заводе, как и владение пожалованными дворами, становилась наследственной. Далее, земли с крестьянами раздавались по разным менее уважительным причинам: например, «на крест» «на зубок» новорожденному, «для увеселения», как выражалась грамота графу Румянцеву на пожалование вотчины, на стол и т. п. Каждая война сопровождалась раздачей населенных земель массами; каждая победа обходилась русскому обществу в известное количество крепостных душ. Но особенно части и значительны были пожалования по фавору, по случаю, т. е. любимкам; эти любимки, случайные люди, часто очень бедные, получали обширные земли с множеством крестьянских душ. Группировка состояния XVIII в. образовалась путем таких пожалований. В царствование Петра раздано было более 177 тысяч крестьян, и это было очень немного сравнительно с позднейшими пожалованиями. Князь Меньшиков, сын дворцового конюха, завершил свою государственную службу землевладельцем, имевшим до 100 тысяч крестьян; известный А. Г. Разумовский, простой казак, тоже сделался крупным землевладельцем путем пожалований; граф Кирилл Разумовский также владел почти сотней тысяч душ; даже казаки, жившиеся на сстрах Раумовского, на дочерах известного в Малороссии Раумовского, содержателя питетного загородия, сделались землевладельцами; атамани Разумихи были ткач Будянский, портной Закревский, казак Дараган, у сына Будянского в партнерстве Екатерины было три тысячи душ крестьян, приобретенных путем пожалования отцу. Каждое вступление на престол, обыкновенно соединенное с переворотом, также сопровождалось щедрыми раздачами населенных имений. Вступление на престол Екатерины II стоило государству 18 тысяч душ, разданных разным сподвижникам; вступление на престол императора Павла сопровождалось раздачей до 100 миллионов десятии

земли с 100 тысячами крестьян, вот во что обопелся один день 5 апреля 1797 г., когда короновался Павел. Особенно щедро раздавала земли Екатерина своим фаворитам, офицерам и не офицерам. Потемкин, бедный смоленский дворянин, который в молодости мечтал составить карьеру путем монашества, говорят, имел в конце своей деятельности до 200 тысяч душ, приобретенных преимущественно путем пожалования. Теперь приведены в известность неполные цифры крестьян, рожденных Екатериной в частное владение, преимущественно из дворцовых; цифра эта достигает 400 тысяч крестьянских душ, следовательно, до миллиона людей всех возрастов. Нет достаточно данных, чтобы сосчитать, в какой степени увеличилось крепостное население в государстве путем обоих указанных средств — прииски и пожалования, но несомненно, что к концу XVIII в. Россия была несравненно более крепостной, чем какой она была в начале столетия.

Теперь обратимся ко второму процессу — к качественному развитию крепостного права, т. е. к ходу усложнения помешичьей власти над крепостными людьми. Это очень трудный историко-юридический вопрос. Что такое крепостное право и как оно сложилось? Как возникла и

определилась власть помешика над крепостными людьми? Ответить на это довольно трудно по известным нам данным. Если бы спросить об этом людей XVIII в., знающих законы и отечественную историю, они были бы затруднены не менее нас. Закон нигде не постановил прямо, какую власть имеет землевладелец над крепостными людьми. Следовательно, надо брать фактические явления, чтобы составить себе понятие о крепостном праве. Власть помешика, по закону, слагалась из двух элементов согласно с двояким значением дворян-землевладельцев. Дворян-землевладельцы по отношению к своим крестьянам были: 1) ответственными полискими и финансами управлениями, обязательными и но наблюдающими за порядком между крестьянами и собирающими с них казенные налоги; 2) они были землевладельцами, которые облагали живших на их земле крестьян оброком за землю, которой те пользовались. Оба эти значения землевладельцев-дворян можно определить

дить по закону. Но к этим двум элементам власти — землевладельческому — присоединились и некоторые другие; так, например, землевладелец как полицейский надзиратель судил своих крестьян и наказывал за проступки; это был старинный обычай, признанный древнерусским законодательством, что с землевладением соединялась известная юрисдикция, право суда над крестьянами, обрабатываемыми землю. Здесь землевладелец являлся судебным органом правительства. Но в XVII столетии помещичья юрисдикция ограничилась собственно крестьянскими делами гражданского характера, не простираясь на дела уголовные; притом крестьяне имели право жаловаться на незаконное обращение землевладельцев с ними. О праве жалобы говорит прямо подьячий XVII в. Котошкин, нальбо думать, хороший знающий правительственные судебные порядки.

Далее, крестьяне по Уложению были прикреплены к земле, и так как множество земли не принадлежало помешчику на праве полной собственности, то ясно, что закон и не отдавал живых на этих землях крестьян в частную собственность землевладельцу. Но мы видели, что вскоре после Уложения начались уклоения от установленного порядка отношений землевладельца к крестьянам. И само Уложение часто оправдывало эти уклонения. Как мы знаем, оно непоследовательно проводило принцип поземельного прикрепления крестьян; в интересах казны закон запрещал отрывать крестьян от земли, переводить из поместья в вотчину: многие землевладельцы всех крестьян со своих временных владений перетасили бы на свои наследственные земли, но обратного перехода крестьян Уложение не запрещало, как и не запрещало отпускать вотчинных крестьян на волю, запрещая только отпускать на волю крестьян поместных. Таким образом, вотчинники получили право обезземливать крестьян, отпуская их на волю; в XVII в. это было бы хозяйственной тупостью, но в XVIII в. положение дел изменилось. С другой стороны, как-то незаметно и трудно даже проследить по актам, как вскоре после Уложения крестьян стали менять, продавать без земли, как будто закон и не при-

креплял их к земле, как будто они были личнокрепостными холопами. Правительство даже стало признавать такую незаконную продажу, и Петр застал такое положение дел в селе, что даже не напел возможным прекратить продажу крестьян не только без земли, но и в разбивку с семейством. В инструкции Сенату 1721 г. Петр внушил сенаторам, чтобы они при составлении нового уложения приняли меры пресечения этих продаж без земли, «буде же это невозможно, то запретить, по крайней мере, продажу в розницу, как продают скот, т. е. Петр выразил только свое отчаяние поправкой, положение дел, ибо несмотря на свой авторитет законодателя, он советовал, а не приказывал. Да и сам Петр недалго перед тем косвенно поддержал торговлю крестьянами без земли: в 1720 г. указом он разрешил купечеству и другим вольным людям не изплахетства вместо себя ставить в военную службу подставных рекрутов, покупая для того людей. Дважды, особенно мелкопоместное, пользуясь этим указом, устроило настоящую торговлю рекрутами, которая стала очень выгодной операцией их сельского хозяйства.

В таком положении оставил дело Петр. Ревизия его не определила точнее отношения обоих классов; в Указе о ревизии обеспечивались казенные интересы, т. е. определялись только те отношения землевладельцев к крестьянам, которые касались этих интересов. Юридическая сторона дела не занимала Петра. Вот почему в Указе мы не находим определения ни гравийной власти помешчика над крестьянами, ни тяжести нид власти помешчика над крестьянами, ни тяжести повинностей последних по отношению к первым. Но в Указе, который Петр формулировал вообще настех, неточно, выражения, которые могли подать повод к широким притязаниям помешчиков. Указы о ревизии не отдавали крестьян в собственность землевладельцам, не делали их сельскохозяйственным инвентарем последних наравне со скотом, рабочими орудиями и так далее; однако Указ гласил, что всем, попавшим в ревизские сказки, «быть вечно за тем, за кем записаны», что «владельцам владеть ими вечно». На основании этих определенных указов первой ревизии и разиняется широкая власть землевладельцев над крестьянами.

ЛЕКЦИЯ LXXXI. Учреждение дворянства в местном управлении до Екатерины II.

— Уполномочие дворянства в местном управлении об участии в местном управлении требований Екатерины II и реформа местного управления. — Идеи Развитие крепостного права после Петра I. — Увеличение числа крепостных путем присыпки. — Пожалование наследия крепостными земель. — Усиление власти помещиков над крестьянами в XVII и в начале XVIII в. 102—117

ОГЛАЖДЕНИЕ

Смр.

3 — 4

От редакции
ЛЕКЦИЯ LXXV. Жизнь Екатерины II до 1762 г. Ее про-
всхождение и воспитание. — Замужество ее и положе-
ние при дворе. — Образ ее действий. — Мягкость рус-
ском престоле. — Положение Екатерины II в царст-
вование Петра III

5 — 12
ЛЕКЦИЯ LXXVI. Характеристика Екатерины II. Сход-
ство Екатерины II с Петром III. — Влияние перево-
рота 1762 г. на политику Екатерины. — Манифест
6 июля. — Противоречие в программе Екатерины. —
Внешняя политика после смерти Петра Великого. —
Союз с Австро-Италией. — Сущность вопросов турецкого и
польского 13 — 26

ЛЕКЦИЯ LXXVII. Внешняя политика Екатерины II.
Международное положение России. — Внешние собы-
тия Гарольдингии Екатерины II. — Причины внешней
политики. — Северная система. — Союз с Пруссией. —
Разрешение турецкого вопроса. — Разрешение поль-
ского вопроса. — Результаты внешней политики 27 — 45

ЛЕКЦИЯ LXXVIII. Внутренняя деятельность Екатери-
ны II. Общая характеристика политики Екатери-
ны II. — Непрочность ее положения на престоле. —
Знакомство с внутренним положением России. —
Мысль о необходимости нового кодекса законов. —
Политические идеи Екатерины II. — Составление
Наказа. — Литературные источники Наказа. — Содер-
жание Наказа 47 — 66

ЛЕКЦИЯ LXXIX. Комиссия для составления проекта но-
вого устава. — Состав Комиссии. — Кодификацион-
ные работы до Екатерины II. — Деятельность Комис-
сии 1767 г. — Неудача работ Комиссии. — Значение ее
работ. — Значение Наказа 67 — 84

ЛЕКЦИЯ LXXX. Губернские учреждения 1773 г. Органы

внутреннего управления до Екатерины II. — Реформа
областного управления. — Разделение России на гу-
бернии. — Губернские учреждения, административные и финансовые. — Судебные учреждения. — Основные
начала губернских учреждений. — Дворянство в областном управлении. — Корпоративное устройство
дворянства. — Городское самоуправление 85—101

Смр.

— Уполномочие дворянства в местном управлении
истории после Екатерины II. — Росгоспитание Павла. —
Павла на престол 184—203

ЛЕКЦИЯ LXXXVIII. Общий обзор деятельности Екатери-
ны II. — Значение ее царствования. — Главные явления
истории после Екатерины II. — Росгоспитание Павла. —
Павла на престол 204—223
Боевая муштровка. — Муштровка общества. — Огра-
ничение сословных привилегий. — Отмена законов
Екатерины. — Внешняя политика. — Характер Павла. —
Закон о престолонаследии. — Закон о трех-

RE 1999 S. 3. B.
2015 APR

Comp.

дневной барщине. — Вступление на престол Александра I. — Главные вопросы внешней и внутренней политики XIX в.	226—241
ЛЕКЦИЯ LXXXIX. Главное направление внешней политики в XIX в. — Борьба национальности. — Влияние французской революции. — Участие России в разрешении общеевропейских вопросов. — Перечень событий. — Основное направление внутренней политики в XIX в. — Александр I. — Его воспитание. — Характер его	242—253
ЛЕКЦИЯ XC. Александр I. — Первые распоряжения. — Интимный круглый. — Реформа центрального управления. — Вопрос о привилегиях дворянства. — Крестьянский вопрос. — Сперанский	264—275
на. — Государственный совет. — Министерства. — Реформа Сената. — Указы 1809 г. — Финансовые меры. — Падение Сперанского	
ЛЕКЦИЯ XCI. Перефраза в настроении Александра. — Конституция царствия Польского. — Свобождение азиатских крестьян. — Карамзин	277—295
Мордвинова. — Красноярский вопрос. — Проект на. — Реакции. — Продешение. — Школа. — Магнитогорск. — Аракчеев. — Насtroение общества. — Декабристы	
ЛЕКЦИЯ XCII. Настроение молодежи в 1825 г. — Возникновение тайных обществ. — Союз спасения. — Союз фест о престолонаследовании. — Манифест упразднения 14 декабря. — Значение этого события. — Неудача преобразованной Александра	316—333
ЛЕКЦИЯ XCIV. Николай I. — Связь с предшествовавшим царствованием. — Личность Николая. — Программа демократизации. — Знаменование с действительностью. — Конституция Собственной канцелярии. — Учреждение Собственной канцелярии. — Права дворян. — Внедрение крепостного права. — Крестьянский вопрос. — Устройство государственных крестьян. — Закон об обязанных крестьянах. — Другие законы о крестьянах. — Значение новых законов о крестьянах. — Применение этих законов о крестьянах	334—356
Императрица Екатерина II (1796—1896). Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени	357—423
И. Н. Болтии (6 октября 1792 г.).	424—455
«Недорогий», Фонвизина	456—488
Евгений Онегин и его крепости	489—514
Примечания	515—535
АЗАТЕЛИ	536—548
	549—593